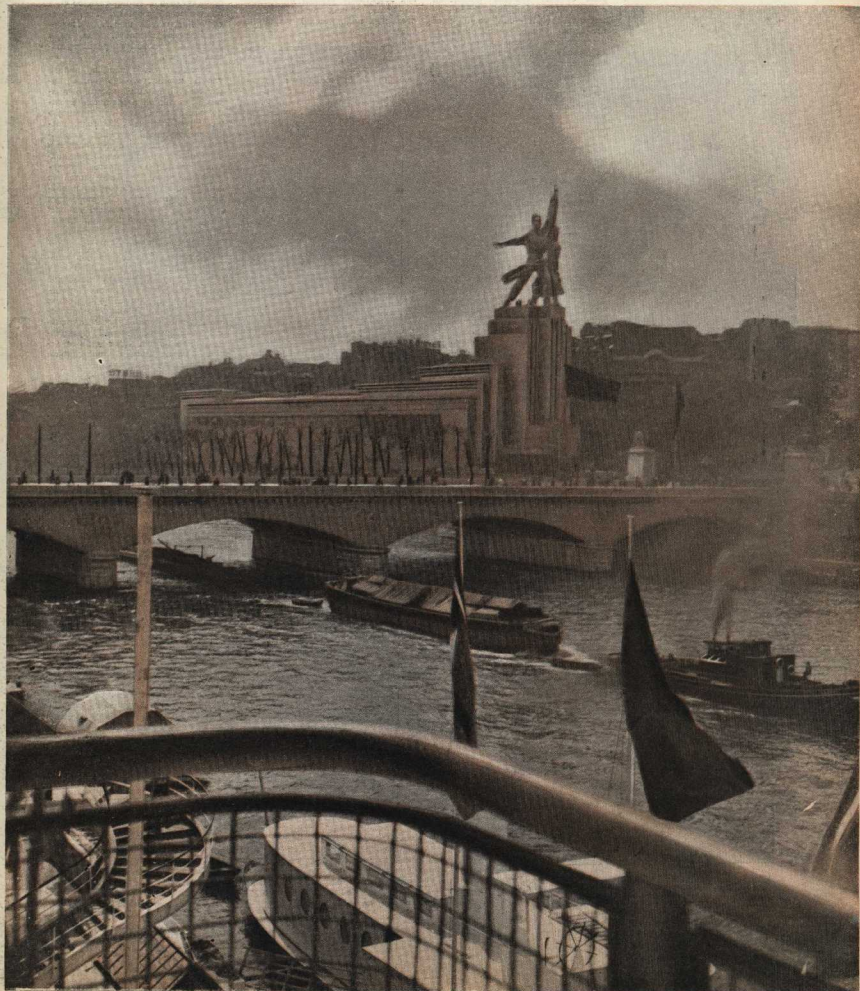

СЛОВАРЬ "СМЕНД"

Проект Дома книги в Москве
Архитектор Н. А. Голосов.

АРХИТЕКТУРА

Латинское слово, заимствованное римлянами из греческого языка (от греческого «архитектор», т.е. мастер, строитель), иначе — зодчество. Им обозначается основанное на технике искусство возведения полезных для человека построек. Обладание научные и художественные приемы, архитектура является самым утилитарным и самым монументальным из производственных искусств. Характер ее определяется общественными условиями, материальным и культурным уровнем страны.

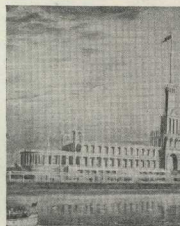
Ярчайшие архитектурные стили

создали Египет, Ассирия-Вавилония, Индия, Греция, Рим, познее — Китай, Византия, Франция, Русь. Архитектурные памятники Греции и Рима остаются наиболее замечательными образцами искусства, в котором пропорциональность всех частей и изящество деталей гармонизуют с величием общего замысла. Средневековая Европа создает сначала романский стиль (XI—XII вв.), а затем — готический (XIII—XV вв.). Этот последний стиль, основанный на всестороннем применении стрельчатой арки, наиболее соответствующая реалистическому мировоззрению эпохи феодализма. Жизнерадостная городская культура Италии (XV—XVI вв.) выражается в стиле ренессанс, или возрождения, который сменяется затем барокко (XVII—XVIII вв.). После того, как умер стиль ампира, предшествовавший XIX веку, оригинальные архитектурные стили не создавались.

Только в самом конце XIX века капиталистическая Европа создает стиль модерна, который господствует до войны 1914 года; созвучный символизму в литературе, стиль модерна отражал идеологический кризис буржуазии.

Талантливейшие зарубежные архитекторы лишены возможности творить подлинные ценности, хотя трудящиеся ютятся в темных казематах тире, которые являются неустанным злом капиталистического города. В то же время огромные здания пустыют.

В Советском союзе, где ставилась задача о человеке является первым законом, велики задачи архитектуры и ее возможности. Растущее богатство страны и расширяющиеся потребности в жилье требуют архитектору все более высокие требования. Величие идей, вдохновляющих гражданство нашей страны, позволяет архитектору создать новый величественный стиль, использованный как достижения современной строительной техники, так и классическое наследие. Советский архитектор может соорудить не только жилища дома и общественные здания, но и создавать целые усадьбы, районы, города. Заключившиеся в нем всеосознанный сдвиг архитекторов, за работой которого с глубоким интересом следила вся Советская страна, привнесла архитектору в возмещение зданий, достояний нашей эпохи и построенных в согласии с последними достижениями строительной техники.

Вокзал северного порта канала Москва—Волга (Химки). Архитектор А. М. Рукавдаев.

БАСТИЛИЯ

Бастилия — от старофранцузского глагола «basiter» — строить. Так назывались в средние века крепости, защищающие доступы к городам. Бастионный во Франции было много, но только парижская получила мировую известность — как защитница страны от внешних врагов, а как одна из самых страшных политических тюрем Европы.

Стены парижской Бастилии заходили ров глубины в 8 метров и шириной в 26 метров. Восемь башен ее были соединены мощной стеной, имевшей 24 метра в высоту и 3 метра в толщину. Еще не все башни были возведены, как восточной и западной стороны королю Людовику XI (1461—1483) стал сажать в Бастилию

Взятие Бастилии 14 июля 1789 г.

своих противников. Для предупреждения победа узник заперлась в железную клетку, помещавшуюся в камере.

В XVII—XVIII веках Бастилия угрожала всем людям передовых взглядов, всем недовольным существующим строем. В ней и в ее отдалении — Венесуэла — замке — побывали прославленные борцы с церковным мракобесием Вольтер, один из авторов знаменитой «Энциклопедии» — Дидро, будущий деятель французской революции Мирабо и многие другие. В Бастилию сажали без суда, по

простому королевскому приказу. Иногда король дарил своему favorito или фаворитке подписанный им приговор, а затем приказывал ему вынести любую фамилию.

Бастилия стала символом угнетения и произвола, ее название превратилось в нарицательное имя политической тюрьмы. Так, французской Бастилией называли Петропавловскую крепость, куда царь заточал отпавших революционных борцов.

Бастилия возбудила в народе такую ненависть, что когда парижское население встало против королевской власти, оно прежде всего атаковало эту мрачную тюрьму. 14 июля 1789 года, после пятичасового штурма, парижский народ вместе с перемешенными на его сторону королевскими войсками захватил крепость. Командант Бастилии де Лафайет хотел ее взорвать, но его обезоружили собственные солдаты. В тюремных камерах было 7 человек, из них двое по времени заключения сошлись с ума. Один из узников пробыл в заключении более 40 лет.

Бастилия была крета до основания. На ее месте в 1840 году воздвигнута в память июльской революции 1830 года, основанная на изгнании династии Бурбонов из Франции, «Июльская колонна». День 14 июля 1789 года считается началом великой французской революции. Этот день является национальным праздником Французской республики.

1 мая и 14 июля 1937 года на площади Бастилии состоялся грандиозный митинг в ознаменование фронта, которые выразили волю французского народа к непримиримой борьбе против фашизма, стремящегося превратить весь мир в лагерь неогитлеровских стран, например Германию, в огромную, усовершенствованную по последнему слову капиталистической техники Бастилию.

КОРОТКОВОЛНОВИК

Коротковолновик — радиостанция, работающей в области так называемых коротких (от 100 до 10 метров) и ультракоротких (менее 10 метров) волн. Эти волны сокращенно обозначаются «КВ» и «УКВ».

В отличие от длинных волн, которые распространяются по земной поверхности и слабо поглощаются токопроводящими телами, КВ идут по прямой к земной поверхности, отражаясь от нее. Они почти не поглощаются, благодаря чему наиболее полно используются энергия передатчика.

В 1927 году при Осоавиахиме была создана Центральная секция коротких волн. Сейчас секция КВ работают при городских и районных советах Осоавиахима. Членами секции КВ могут быть члены Осоавиахима. Коротковолновик начинает обычно с изучения азбуки Морзе и специального международного кода, а затем строит коротковолновый приемник. Находясь прием, любитель переходит к построению передающей ра-

диостанции. Все коротковолновики ведут дневники своей работы и обмениваются впечатлениями, подтверждающими прием одного любителя другим или из разговора.

Советские коротковолновики Байкузов, Ветчинкин, Житков и др. переговоры ведут с самими отдаленными пунктами земного шара. Они получают приглашения из Америки, Австралии, Новой Зеландии. Наша страна была лучшим радиоспециалистом, в том числе и таких всемирноизвестных, как Эрнест Кренкель. Советский коротковолновик Шидловский в 1928 году первым принял сигналы экзотической Нобили, терпящей бедствие в Арктике. Во время северной экспедиции О. Ю. Шмидта и перелета Героев Советского союза Чалова, Исаковского, в Бельюна на Москва в США через Северный полюс радиосвязь с самолетами поддерживалась через коротковолновые установки.

Значение КВ особенно велико в оборонном деле.

В минуту, когда требуется защитить родину; от врага, коротковолновики станут на вахту, обеспечив бесперебойную связь.

Фото Струнникова

Все новое и новое подвиги совершают люди нашей родины. Великою их дея движется мир. Вслед за большой северной экспедицией над авиационным и обжитым полюсом пролетел советский самолет «АНТ-25». Герои Советского союза Валерий Чкалов, Георгий Байдуков и Александр Беляков впервые в истории человечества, пролетев над Северным полюсом, соединили по воздуху две материка: Европу и Америку. Отважные авиаторы на дрейфующей льдине слышали над собой рокот мотора. Еще не раз над Северным полюсом раздастся рокот моторов наших машин. Молодые люди Советской страны вдохновляются героическими делами бесстрашных сталинских соколов.

На фото: сверху—подготовка к старту самолета «АНТ-25»; снизу—успешно завершившие исторический перелет Москва—Северный полюс—Северная Америка Герои Советского союза Валерий Чкалов, Георгий Байдуков и Александр Беляков.

Беспойкая старость

Герой пьесы А. Рахманова «Беспойкая старость» профессор Полсаев, прообразом которого послужил великий русский ученый Кавказский Академик Тимирязев, знаменитый нашим читателям по фильму «Детство Вавилова». Пьеса повествует о жизни старости героя, успевшего стать нам дорогим и близким. Мы печатаем первый акт пьесы, в котором ярко для себя узнаем быт, привычки, привычки героя и университетскую атмосферу.

Время действия — 1916 год.

Действующие лица (в первой картине):

ПОЛЕЖАЕВ, Дмитрий Илларионович, — профессор, действительный и почетный член более полутора научных обществ, университетов и академий всего мира, за исключением Российской Академии наук, где он был забаллотирован; 74 года.

МАРИЯ ЛЬВОВНА — его жена; 62 года.

ВОРОБЬЕВ, Викентий Михайлович, — доцент, ученик Полсаева; 28 лет.

БОЧАРОВ, Михаил Макарович, Миша, — студент; 24 года. ДВОРНИК.

Гостиния в квартире Полсаева. В задней стене — дверь в кабинет. Налево — дверь в прихожую. Неправо — окна на улицу. Масса цветов и вазоны в жардиньерках, на подоконниках. Очень чисто и очень тихо. Указка дорожки тянется на прихожую через всю комнату. Один стул от окна оставлен на середине комнаты, как раз на дорожке. На стуле спит кошка. И вдруг поехал стул с кошкой. Дорожка тихонько скользит по паркету в прихожую. Когда стул дошел почти до двери, движение прекратилось. Смахив, входит Мария Львовна в белом переднике поверх шелкового платья. В руках щетка на длинной палке.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (примирительно, наклонившись к кошке). Ну прости, покаявайся. Я и не видела тебя на стуле. (Идет и открывает дверь в кабинет.) Миша, у нас как дела? (Ей тутчас приходится поворачиваться: огромный Миша, студентский туфлик, тащит кашу с каким-то деревом. Стул посреди комнаты и беспомощно ойкаивается. Мария Львовна кокаивает.) Станьте сюда. Это сюда. Жардиньерку налево. Янчик. Так. На-те щетка, вон в углу палатка. Выше. Еще. Ух, какой молодец! Все Салитесь и отгадывает. Куда же вы на кошку? Возьмите на руки. А зачем кверху ланки? Фу, обращаться с кошкой, и то надо учить.

БОЧАРОВ (сел, держа кошку как хрупкую вещь; чистым басом). Кажется, хорошая кошка.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (орудия щеткой воле самых его ног так, что он беспомощно их подбрасывает). Не кажется, а это бесспорно.

БОЧАРОВ (глубокомысленно). Моей породы.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Кто-то?

БОЧАРОВ. Сибирская. Я ведь из Омска.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (многочисленно). Ну, Миша, ваше счастье, что сегодня Дима приедет. (Подойдя вплотную, понижая голос.) Может скажете, что с вами делается? (Бочаров молчит.) В такую рань явился. Поблизости да не успел. Гаваа бессонные. (Иллюстрируя прищипывает к нему.) Уж, я вижу, что что-то есть. В университете, да? Да или нет?

БОЧАРОВ. Мария Львовна, потом.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (спирится с каждой фразой). Лх, потом! То есть куда приедет. Дмитрию Илларионовичу только можно сказать. Ему одному доверит! Ну так и сидите в его кабинете. С глазу долой! Прощай! (Бочаров испуган.) Мария Львовна тонит его, концом щетки толкает в спину.) Носа не смейте высовывать, пока не позову! (С сердцем захлопывает дверь.) Нет, какой студент пошел, ин капля доверия, ни грама уважения к профессоре. Возмутительно! Я сама была студенткой. Не чего вам: заглянуть училась. Мы читали даже экономку любящего профессора. Даже его пивную кружку. Мы готовым были целовать у нее ручку.

ГОЛОС БОЧАРОВА (из кабинета). У экономки?

МАРИЯ ЛЬВОВНА (запальчиво). Нет, у пивной кружки. (Тончив ной.) Да как вы смеете так позывать голое! (Постучав немного около двери, коротким голосом.) Миша, вы на меня не сердитесь?

ГОЛОС БОЧАРОВА. Нет, Мария Львовна.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Вот и хорошо. Занимались, больше я вам не помешаю. (Выглядела на часик, выискивая и не на гряди на тоненькой скамье, сразу же авторизовалась к окну. Выглядела на улицу.) Не понимаю, почему его до сих пор нет. Вечно он не позволяет встретить и жда его дома. Всю душу вымотаешь. Другой раз я вообще не остаюсь, а с ним поеду. Почему я раньше могла быть ему полезна на международных съездах, а нынче все Воробьев. (Смеется.) Нынче и Воробьев устарел. (Громко по направлению к кабинету.) Не правда ли, господин Бочаров? Вам это лучше знать. (Прислушиваясь. Бочаров в кабинете не отвечает.) Деру пар, что и ссадувший раз в Стокгольм или в Лондон поехал не Воробьев и не госпожа Полежаева, а вы, Миша. Что вы на это скажете?

(Пауза)

ГОЛОС БОЧАРОВА (медленным и ладно). Ничего, Мария Львовна.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (улыбаясь). Что такое? (Пауза. Мария Львовна приподнимает Осино-дриско.) Миша, я знаю, у вас маршизм мысли. Война не кончается. Это?

ГОЛОС БОЧАРОВА (очень серьезный и даже жалобный). Примерно да, Мария Львовна.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (убежденно). Не надо думать об этом. Миша, Подумаешь! Ну не дождется конца, ну и умрем. Не доделаешь много! Так мы на том ссете будем работать. Может, еще и лучше. На этом ссете Дмитрию Илларионовичу лишним лаборатория... Из университета пришлось уйти на время... С дураком министром разругался. С проектом не известно что... А там, в рай, монитор, и министры лучше, и университеты, как в Англии... и лаборатория уже приготовлена для Дмитрия Илларионовича.

ГОЛОС БОЧАРОВА. Лаборатория — это, скорее, по части ада.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (смеется, потом вдруг со слезами в голосе). Миша, не будем больше говорить о смерти. Так ее много возгуст нас. Когда я подумаю, что через год ему семидесять пять... Неужели мы позволим ему умереть раньше меня?... Мне шестидесять два.

В кабинете падает книги и слышится спешные шаги. На пороге по-казываются Бочаров, оченно взволнованный.

БОЧАРОВ. Мария Львовна, пожалуйста... Нет, вы оба, чтобы как можно дольше...

МАРИЯ ЛЬВОВНА (улыбаясь сквозь слезы). Хорошо, Миша, Сделаю все возможное. Хотя еще полвека. Мне не жалко. (Автом.) Тем более, у нас с вами общий секрет... Когда мы его откроем Диме? В будущем ближайшем году, когда он закончит книгу? А, может, сегодня? (Пауза.) Нет, уж в будущем. В ноябре 1917. Это твердо. Твердо, Мишенька?

БОЧАРОВ (мрачно). Да, пожалуйста.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Вот и хорошо. (Толкает его опять в кабинет и акцентированно дверь за ним.) Разрешаю покурить, только откройте форточку. Иначе я впаду в чахотку.

ГОЛОС БОЧАРОВА. В прихожей, Мария Львовна.

Мария Львовна решительно идет в прихожую. Едва вступила туда, вскрикивает от неожиданности и роняет щетку. Тутчас слышится не-приятные вскрикивания, пошарки, мирской ссех с гетерогенными аномалиями нотами. В гостиную вваливается дворник с большим чемоданом. В дверь кабинета повалится и сразу же опять исчезает Бочаров. Разговор супругов начинается еще в прихожей.

ГОЛОС МАРИИ ЛЬВОВНЫ (крайне взволнованный). Хорош! Вместо недели месся!

ГОЛОС ПОЛЕЖАЕВА (не менее взволнованный). Ты что? Смеешься? Все английские университеты об'ехать... В крутовато, да еще через минувшую зиму, да разное заградление, формализм, препросты...

ГОЛОС МАРИИ ЛЬВОВНЫ. Что через минувшую? Какже английские заградление?

ГОЛОС ПОЛЕЖАЕВА. Не английские, а германские.

ГОЛОС МАРИИ ЛЬВОВНЫ. Постой, где ты был?

В дверь гостиную показывается выцветшая спина Полежаева.

ПОЛЕЖАЕВ. Принимаешь, не утерплю. Из Стокгольма проехал в Англию, побывал в Кембридже, куда меня сплать звали. Представляешь, как это сложно нынче? Минная зона, еще что-то... А на обратном пути еще банкетны в честь меня устраивали. Нашли время... То минам, то бутылкам меня взорывать. А что, ты сердишься?

МАРИЯ ЛЬВОВНА (показываясь за его плечом, после многозначительной паузы). Чтбы я еще раз отпустила тебя без меня! Я-то думаю: почему он сидит в Стокгольме, что там делает? Только получить премию. А он, сморити, И из одного письма. Ну и авантюрист! А как ты домой попал без звонка?

ПОЛЕЖАЕВ (пятится, пропуская вперед Марию Львовну). Смешно. Да кому-то у меня с собой.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (недовольно). Ну-у? Я была уверена, что ты его потерял. После гетерогенности — в минной зоне.

ПОЛЕЖАЕВ (довольный и охваченный, в изумлении английский платок с черным бархатным портретоном, с небольшим саквояжем в руке, проходит в комнату). Вот еще, потерял! На, посмотри, пожалуйста.

(Безуспешно роюсь в карманах, тревожно оглядываясь на Марию Львовну). Неужели я его обворовал на лестнице? (Появляется бешать в приоткрытой, но отцедив в этот момент выскочивший до полочки туловища дворян и тает руд, с ключом.)

ДВОРНИК (слышится объясняет). Дмитрий Илларионович, так я же вам и открыл сейчас. А ключ вы еще прошлый раз в двери оставили. Только уехали, гласно: торчит в скважине (завоботавно обтерся о пол, отклад ключ).

ПОЛЕЖАЕВ (молча выхватывает ключ, косясь на Марию Львовну и, когда дворянин исчезает, злобно шипит ему вслава). Ух-ты! Связкина! МАРИЯ ЛЬВОВНА (дотрениваясь до него рукой). Не сердись на него, Дима.

Веселый и улыбающийся Полежаев идет к окну, с удовольствием осматриваясь вокруг себя, нюхая цветы, расправляя листья. Особенное внимание уделяет рослому кактусу на подоконнике.

ПОЛЕЖАЕВ (с нежностью гладит его, и, наклонившись, одергивает руку). Смотри, как он вырос без меня! Молодец! Ну да мы тоже не теряем время. (С живостью оборачивается.) Какую я там речь закатил! МАРИЯ ЛЬВОВНА. Пожалуйста, разведись. Расскажи все по порядку.

ПОЛЕЖАЕВ. По порядку неинтересно. Сначала я главное покажу. Не ходи, не ходи за мной.

Исчезает в прихожей, уташавшая за собой чемодан. Мария Львовна вскакивает на стул против двери, предвзвывая какой-то фанас. Полежаев гонимся же появляется как трансформатор. Он чинно выходит в жанти и шапочке доктора естественных наук Кембриджского университета. Важно откланивается и начинает речь.

ПОЛЕЖАЕВ. Милостивые государи! Когда Гулливер осматривала академию в Лупуте, он обратил внимание на человека сухопарого вида (с легкой улыбкой оладывает себя), сидевшего, уставив глаза на огу-рець, запертый в стеклянном сосуде. На вопрос Гулливера дикий человек пояснил, что вот уже восемь лет, как он погружен в содержание этого предмета в надежде разрешить тайну солнечных лучей. (Небольшая пауза, легкий поклан в сторону аудитории.) Я должен признаться, что перед вами именно такой чудак. Около сорока лет я провела, уставившись осм не на зеленый огурець, закуренный в стеклянную посудину, то на нечто вполне равнозначное, на зеленый лист в стеклянной трубке. (Берет высокий, узкий стакан, вовремя поданный докладывавшей Марией Львовной, и поднимает над головой.) И внимание мое было захвачено как раз этой тайной—уважения и записания впрок солнечных лучей. (Стоит, выделывая мимическую пароду, пока Мария Львовна выражает свое восхищение, и мило улыбается ей.) Что, интересно? А дальше уже не очень. Дальше не стоит.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Дуся!

ПОЛЕЖАЕВ. Понимаешь, я расчувствовался, и конец получился гораздо скучнее.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Ну, хочешь я стану на колени?

ПОЛЕЖАЕВ. Да уж ладно! Вот дурачок! (Далее говорит серьезно, почти грустно.) Мой труд, я скажу... как и жизнь моя... близится к концу. Через год я надеюсь опубликовать результаты. Хочется думать, что к тому времени война закончится, кончится связанное с ней разделение ученых Европы. И через год, праздно праздные мир, вы уже с легким сердцем снова соблаговолите выслушать меня здесь, в стенах этого старейшего университета. (Стеснясь лысины своих слов, поспешит.) Это я говорил в Кембридже, не забывая.

У Марии Львовны грустное лицо.

ПОЛЕЖАЕВ (опять с увлечением). Тогда-то и началось. Все встало, причем совершенно молча. Стоят, молчат и на меня смотрят. Прямо страшно... Точно клятва. Верность до гроба. К тому же все в мантиях, старика, вроде меня, еще древнее. Воздух готика, зал высокий. Под потоком мран. Черные стены резные. К стенам огромные фанатизы на цепях прикованы... Самая срединеволая обстановка. Правда, здорово?

МАРИЯ ЛЬВОВНА (плачущим голосом). Вагальнута был! Почему я не уехала?!

ПОЛЕЖАЕВ. Как не уехала? Ты у Бузинева, у великого Гельмгольца училась. (С комической почительностью сдвигает плечико с ее плеча.) Потом церемония началась, латынь. (Прозвонит несколько витриных латинских фраз.) Потом штуку эту на меня надели (одергивает мантию), и стал я доктором естественных наук Кембриджского университета. Все. (Стоит глумясь, мантия его расплывалась, под ней пальто.)

МАРИЯ ЛЬВОВНА (всплеснула руками). Сверх пальто надела!

ПОЛЕЖАЕВ (сконфуженно захлопывает). Смешно! Я же торопился. (К ней.) Девочка, да мы с тобой и не здоровались по-настоящему.

Мария Львовна прятается в складках мантии, но вдруг отсканивает, точно ее щипачи, делает страшные глаза и показывает на кабинет, где чинно откланивается Бочаров.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (хочет). Это я, это я! Посадила его и забыла. (Полежаеву тихо.) Почему-то пришел в странную рубашку, я комнаты убирала. (Открыла дверь.) Миня, вылезайте из своей берлоги. Вот несчастный! Спички-то я забыла вам принести. (Уходит в прихожую, трясась от смеха.)

БОЧАРОВ (незаметно выбравшись из двери, Полежаеву). Поздравляю вас. Я все слышал.

ПОЛЕЖАЕВ (насмешливо). С чем вас и поздравляю! (Но сразу ватем добрей.) Впрочем, спасибо, голубчик. Ужасно рад вас видеть. А вы тоже соскучились? (Бочаров бормочет что-то стеснительно. Долго трясет одну ладонь, Полежаев, чтобы скрыть растерянность.) По-английски мало здороваться, по-английски. Как я вас учил. (Бочаров так ретиво следует совету учителя, что тот, кривляя и потирая плечо, отсканивает в сторону, скорчив одобрительную гримасу.) М-да! Вот так примерно.

Он чинно выходит в жанти и шапочке доктора естественных наук Кембриджского университета. Важно откланивается и начинает речь.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (входит; смеясь, Бочарову). Миша, из вас вышел бы идеальный арестант!

БОЧАРОВ (странно улыбаясь на нее). Вы думаете?

ПОЛЕЖАЕВ (останавливаясь перед ним с озабоченным видом). Что и вспоминай! Перед отъездом мы так торопились, что забыли даже пригласить, как полагается при прощании. Может, это сейчас не поздно? (Смеясь рассаживаются. Полежаев сразу же улаживает в свою записную книжку)

МАРИЯ ЛЬВОВНА (тихо Бочарову, пока Полежаев занят). Вот ведь он какой. Никогда не создается просто, что устал. Всегда по-особенному. Ну хоть, слава богу, утомился. А, впрочем, я странно рада, что он веселый. Всегда развлекался поездкой. Он так ужасно переживал войну, сидел здесь, в России. Последние дни его подолжничала одна наездница на проект, который он представлял перед отъездом министру. Что? Да нет, он не слышит, когда читает.

ПОЛЕЖАЕВ (складывая блокнот, Бочарову). Так. Сейчас примемся за работу.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (обижено). Да ну вас. Сейчас будем чай пить. ПОЛЕЖАЕВ. Какой чай после пяти минут?

МАРИЯ ЛЬВОВНА (звонит звонок). Смотри, звонок, как девочка. Звонилась же. Ох, как не хочется больше никого видеть!

ПОЛЕЖАЕВ (живо). Мусы, это, наверно, Викентий Михайлович. Он раньше меня вернулся. (Бочарову). Вот и другой помощник явился. Я говорю! не судило нам так жить.

ВОРОБЬЕВ (звонит, вглядываясь с Полежаевым, сразу же беспокойно). Бочарову. Ты уже сказала, да?

БОЧАРОВ (неудовлетворенно). Нет.

ВОРОБЬЕВ. Почему?

БОЧАРОВ (пожимает плечами). Еще не сказала.

ВОРОБЬЕВ. Глупо. Я нарочно пришел утром, пока Дмитрий Илларионович не успел уйти в университет. А ты еще раньше здесь и молчала.

БОЧАРОВ. Я и сейчас молчу.

ВОРОБЬЕВ. Совершенно тебе не понимаю. Тебе это было гораздо удобнее. А теперь, когда мы уже встревожили Дмитрия Илларионовича...

ПОЛЕЖАЕВ (иронически наблюдая за ними)... то не худо бы ему объяснить, в чем дело. Долго вы будете пререкаться? Мне надо работать.

ВОРОБЬЕВ (растерянно). Дмитрий Илларионович...

ПОЛЕЖАЕВ (резоко). Да, я. В чем дело?

ВОРОБЬЕВ (во всем потворно). Дело в том... (И вдруг разрыдался.)

Общий переполох, во время которого неслакомно для всех из комнат исчезает Полежаев; прибегает Мария Львовна, Воробьева усаживают в кресло, приносят воды, поят его.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Еще попейте, голубчик... Миша, еще водичку.

БОЧАРОВ (кладет ей на плечо). Успокойся, Викентий.

ВОРОБЬЕВ (пьет воду, зубы его стучат о стакан). Миша, я не могу...

Миша, так жалко...

БОЧАРОВ. Успокойся.

ВОРОБЬЕВ. Ты рассаживай? Все? Да?

БОЧАРОВ. Да, да, успокойся.

ВОРОБЬЕВ. Не обращай на меня внимания. Это сейчас пройдет. (Ко всем проследительно. Ему окосно пошевелил). Не обращай на меня внимания... Прощу вас... Мне очень стыдно Дмитрия Илларионовича... (Смотрит; Полежаев нет в комнате.)

МАРИЯ ЛЬВОВНА (немного смущенно). Должно быть, ему надоело, и он пошел работать. (Видя, что Бочаров собирается тоже пойти в кабинет.) Миша, пока не надо. Останься, тогда поговорим нам сам-на-сам. (Воробьеву с легкой, виноватой улыбкой.) Странно не любит семейные происшествия.

БОЧАРОВ (ворочая про себя). И я не люблю, признаюсь.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Миша, молчите, пожалуйста. (Воробьеву.) Викентий Михайлович, а что случилось?

ВОРОБЬЕВ (молчит совсем подавленным).

МАРИЯ ЛЬВОВНА (переводит взгляд на Бочарова). Что-нибудь очень плохое, должно быть? Да? (Нерешительно). Да или нет?

БОЧАРОВ (спокойным и чистым голосом). Проект похоронен, Мария Львовна!

(Пауза)

МАРИЯ ЛЬВОВНА (тихо). Не понимаю.

ВОРОБЬЕВ. Доложная записка Дмитрия Илларионовича, которую он подал перед отъездом об учреждении Академии прикладной ботаники в помощь России, поражающей недородами...

МАРИЯ ЛЬВОВНА (нерешительно). Да, знаю, знаю... Мне ли не знать? Ну?

ВОРОБЬЕВ (нервно). Проект отвергнут министром.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (быстро). Приняла?

ВОРОБЬЕВ. Совершенно непопулярным в настоящее время. Война, разуч...

БОЧАРОВ (сочувственно). Есть и еще причина: проект — полежаевский (подчеркивая последнее слово. Пауза).

МАРИЯ ЛЬВОВНА (тихо). Да, конечно.

Пауза. Никто не видит, как в дверях кабинета неслышно появилась Полежаев и слушает.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (тихо). А он-то радовался: вернется и сразу за эту работу.

(Пауза)

МАРИЯ ЛЬВОВНА (вздыхая Бочарову). Так вот мы что от меня скрывали, когда я вас сегодня спрашивала. (Пристально смотрит на Бочарова.) Понимаю, не хотела портить встречу... счастливое настроение. Ах, вы, милые...

ВОРОБЬЕВ (нерешительно). Мне кажется, без Дмитрия Илларионовича надо обсудить главное, как сообщить ему обо всем.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (просто). А после чего... (Вздыхая по направлению кабинета, идет от нежиданности. В дверях стоит Полежаев, держась за косяк. Все с испугом глядят на него. Он делает два шага вперед, алой, колошеч.)

ПОЛЕЖАЕВ. Подрывался, все, я все слышал. (Насмешливый полупоклон Бочарову. Всем сдуло.) Благодаря за проявленную обо мне заботу... а также о моем проекте. (Смотрит не часы. Бочарову и Воробьеву.) Пошел, господа.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Куда?

ПОЛЕЖАЕВ (идя в кабинет). Работать.

БОЧАРОВ (а свои оверде вынимает огромные серебряные часы и нерешительно кашляет).

ПОЛЕЖАЕВ (с порога, ворочливо). Ну, что стоите?

БОЧАРОВ (опять смотря на часы, вполголоса). Это верно. Мне бы уж, собственно, надо ехать. (С испугом глядит на Полежаева, сурово к нему приближающегося.) Только как же с работой? (Воробьеву.) Придется тебе, а? (Оглядывается на Марию Львовну.)

Полежаев смотрит секунду на него, потом вдруг хватается длинной цепкой рукой за плечо и полукосмически встает с собой в кабинет. Недовольные Мария Львовна и Воробьев остаются одни.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (жалобно). Опять какое-то проклевствие. (Прислидывается.) Да они молчат. Нет, вот Бочаров злится. А славно не разобрат. Как дыкно.

ВОРОБЬЕВ (встает и идет в кабинет).

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Викентий Михайлович! (Он молча оглядывается через плечо.) Не ходите. Пусть они поговорят. (Воробьев не слушает и берется на ручку двери. Мария Львовна стонет.) Сейчас же съедите! Как нам не стыдно! Ведь я же вижу. Чудак! Результат профессора к новому способному студенту.

ВОРОБЬЕВ (с горечью). Именно. Когда-то я, а теперь он. Очевидно, он ошибся.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Вы институту. Не признают-де, а форменная институтка.

ВОРОБЬЕВ (останавливаясь перед ней). А вы-то хоть знаете еще одну новость?... Вероятно, ее он и сообщает Дмитрию Илларионовичу. (Значительно.) При характере Дмитрия Илларионовича она чревата последствиями, гораздо большим чем разгром проекта.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (скрывая тревогу). Говорите.

ВОРОБЬЕВ. Идаль новый закон. Студентов, замеченных в революционных волнениях, отправляют на фронт.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (испуганно). Какая мерзость! Но это неслажано! Неужели не будут протестовать?

ВОРОБЬЕВ. Успокойтесь.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. А что?

ВОРОБЬЕВ. Вы знаете, что намерены предпринять либеральные профессора?

МАРИЯ ЛЬВОВНА (просто). Подать в отставку?

ВОРОБЬЕВ. Да, но они жалут, чтобы кто-нибудь сделал это первым. МАРИЯ ЛЬВОВНА (так же просто). Ну, так это сделает Дима. (Беспокойно.) А что, разве в это время в университете были волнения?

ВОРОБЬЕВ (молча наклоняет голову).

МАРИЯ ЛЬВОВНА (еще беспокойнее). А Миша? Значит? (Воробьев молчит. Мария Львовна, как бы успокаивая себя.) Ну, вряд ли. Он у нас тихий. Правда, он не участвовал?

ВОРОБЬЕВ (жестко). Он не участвовал в университетских беспорядках. Ему было некогда. Он устранился беспорядкам во флоте.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Во флоте?

ВОРОБЬЕВ (нерешительно). Ну да, во флоте. Агитировал среди матросов.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Матросов? (Не успевает выразить свое изумление, как дверь открывается. Выбегает Полежаев и, ни на кого не обращая внимания, бежит к окну и выглядывает на улицу. Бочаров выходит за ним.)

ПОЛЕЖАЕВ (крайне встревоженно). Как будто ничего! Но, может, лучше останетесь. Отсидитесь у меня, а там видно будет.

БОЧАРОВ. Нет. Если смогу, я должен ехать. Вы знаете. Я говорил вам.

ПОЛЕЖАЕВ. Да, да. (Опять побежал к окну.) Никого нет. Но, напоследок скажу, придет дворян. Я вас испущу перед черной хол. (Мария Львовна.) Ну что, ну что? Ну скрывается от ареста. Ну поднимай восстание... Ну должен ехать. Организация посылает в другой

город. И все. Лучшее же это, надеюсь, чем в тюрьме сидеть. Хотя и идеальный, по-тому, арестант...

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Постойте... Миша... Организация... Флот... Восстание... Это какой-то сон. (Бочарову) Дайте я вас ушину. Или вы меня?

БОЧАРОВ (протыкая руки).

МАРИЯ ЛЬВОВНА (с изумлением). Что, действительно хотите, чтобы ушинула?

БОЧАРОВ. До свидания, Мария Львовна (и добавляет с улыбкой, как бы успокаивая). В тюрьме-то мне не придется сидеть. Самых-то новых законов?

ПОЛЕЖАЕВ (кричит). Мерзавцы! Додумались! Мало им крови! Я ненавижу войну с первого ее дня...

МАРИЯ ЛЬВОВНА (растерянно). Так если поймать?.. Мишенька...

БОЧАРОВ. На передовые позиции. В какую-нибудь штрафную роту. (Многочисленно). Ну, что же. Это к лучшему. Мне там и салдет быть.

ПОЛЕЖАЕВ (останавливаясь перед ним). Как?

БОЧАРОВ (с расстановкой). Мне там и салдет быть.

Мария Львовна неожиданно срывается с места, подбегает к одному, к другому, хватая за рукава, на ладони.

МАРИЯ ЛЬВОВНА. Мишенькин, прошу... Увидите... На одну минутку... Уходите из комнаты... Все, пожалуйста... Кроме Миши... На одну секунду... И ты, и ты Дима... Очень нужно. Страшно серьезно.

Все уходит, не успев перед таким натиском. Заставив двери стулками, Мария Львовна подбегает к Бочарову.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (задышавшись от равной ей самой энергии). Миша... Мишенькин... Это-то вы хоть знаете? Мы вас как сына любим. И я и Дима... Он не скажет, а я говорю. (Тихо). Так вы, пожалуйста, берите себя. Куда бы ни поехали. Помните обо мне и Диме. А наш секрет, помните? Я одна продолжать буду. Только возражайтесь. До свидания, голубчик... (Вместо платка, чтобы утереть слезы, вытаскивает из кармана платок). Ну, что это? Ваши слезы? Так и не собралась отойти. (Сует их Бочарову). Мне еще надо много сказать. Голубчик, Миша...

Дверь начинает открываться, слышатся стулья. МАРИЯ ЛЬВОВНА (растерянно). Ну, уж лезут. (Недовольно). Войдите.

Полежаев и Воробьев входят, подозрительно оглядываясь на стулья, которыми были приперты двери.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (лукаво). Теперь Дмитрий Илларионович скажет: «Выйдите все из комнаты, хочу с Бочаровым поговорить».

ПОЛЕЖАЕВ. Нет, Дмитрий Илларионович скажет другое. (Подходя к Бочарову, резко). Дайте мне слово, что при первой возможности вы вернетесь в университет. (Бочаров молчит. Полежаев отступает на шаг, весь проликаясь зловесно.)

БОЧАРОВ (растерянно). Боюсь, что такая возможность представится только после революции. А? Или как?

ПОЛЕЖАЕВ (резко). Все равно. Дайте слово.

БОЧАРОВ (наклоняет голову, но Полежаеву этого мало).

ПОЛЕЖАЕВ. Не так, а по-настоящему. Как в Кембридже. Скажите: «Даю слово».

БОЧАРОВ (послушно). Даю слово!

ПОЛЕЖАЕВ (сразу подбегает. Лукаво). Так, так. Это что же значит? (Хитро прищуривая). Чем скорее революцию сделаете, тем скорее ко мне вернетесь. (Понижая голос.) Так уж вы постарайтесь, голубчик. Принимайте. Это и в ваших и в моих интересах.

Все улыбается новой улыбкой. Бочаров со всеми прощается.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (бормочет). Миша — революционер... Агитатор... Нет, это сон (вспрыгивая), еще раз пробует себя ушинуть).

ВОРОБЬЕВ (встает Бочарову навстречу. Молча глядит друг на друга. Вдруг обнимаясь). Ты извини, если что... я ведь часто бывал неправа.

БОЧАРОВ. Ерунда. (Еще раз обнимаясь).

ПОЛЕЖАЕВ (ищет по всем карманам и не находит). Где это опять ключ? (Нашел в пальто, оставленном подле двери на стуле, отдает Бочарову.) Вот... Возьмите на всякий случай. Если не уедете, у меня сегодня будет ночевать. И вообще, как домой. Со своим ключом... Прощайте, голубчик. Пусть все у вас будет хорошо. (Дошло тридцать друг другу руки. Полежаев бормочет.) По-английски надо, по-английски... Как я вас учил... (Но тут Бочаров выключает его в свои мощные объятия, и они трескаются слышаться. Через некоторое время Полежаев благополучно выходит из бочаровских объятий, расправляя кости и плабаясь.) М-да... это уж скорее по-русски.

Уходит. В комнате остаются Мария Львовна и Воробьев. Пауза.

ВОРОБЬЕВ (задумчиво). Да меня непостижимо одно...

МАРИЯ ЛЬВОВНА (рассеянно). Что?

ВОРОБЬЕВ (заговорившись). Что он так легко принял известие о разгроме его проекта. (Горько.) Отъезд Бочарова взволновал его куда больше.

МАРИЯ ЛЬВОВНА (рассеянно, все как будто прислушиваясь к чему-то). Мы с ним привыкли ко всяким передаткам.

ВОРОБЬЕВ (нестойчиво). Да, но отъезд Бочарова...

МАРИЯ ЛЬВОВНА (резко к нему обернувшись). Это да! нас страшнее... Вам известно? Вам тридцать, а нам с Димой сто тридцать. Мы боимся потерять людей. С нас хватит.

ВОРОБЬЕВ хочет что-то сказать. Мария Львовна делает ему знак молчать и вновь тревожно прислушивается, хотя ничего не слышит. Долгое и напряженное молчание. Хапнула дверь, одна, другая. Кто-то бежит по коридору. Вбегает Полежаев. На нем лица нет. Он останавливается посреди комнаты, совсем задыхаясь, и ничего не видя вокруг себя. Его охватывает Мария Львовна и Воробьев. Он отстраняет их и через силу бежит к окну. Целит и любимым куклам мешают ему смотреть на улицу, он сталкивает их на пол, смотрит. На улице ничего не видно. Оборачивается ко всем. У него перекошенное лицо.

ПОЛЕЖАЕВ (затряпало). Арестовали. (Идет вдоль окон, рыскает еще один утенок. Все встали из своих мест, тада не сойдя с Полежаева. Тот медленно, в объезд всех, идет в кабинет. Останавливается на пороге. Еще раз строго оглядывает всех. Неожиданно кричит.) Не смейте ко мне выходить! Никто! Никого мне сейчас не надо!

Щелкает замком. Мария Львовна подбегает к двери, пытается ее открыть, опускается на пол и плачет.

Занавес

— Арестовали...

Рассказ

В конце августа, ночью, начался ливень. Автобус, прошедшие утром в сторону Сухума, вернувшись обратно. Дорога была размыта, и Сергей Рыбченков застрял в Гудауте, где у подружки Тины гостила его жена Ольга.

Ливень продолжался четверо суток и наделал много бед по всему побережью. В море было шторм: парохом шло вдали от берега, не заходя в порт.

В дождик мясника было несело все эти дни. Тина резвилась как мальчишка: париковала белое себе тушью брови и ушки. Ольга с Рыбченковым тоже придумывали забавные номера. Отец Тины, мясник с гудаутской бойни, не жалея вина, и по вечерам на веранде они пили вино и ели жареное мясо с кислым соусом из лави и помидоров под шум дождя и прибоя. Море было рядом, за домиком, к нему шла канатка, заросшая черным виноградом — «изабеллой».

Рыбченков, муж Ольги, жила зимой и летом в Сухуме, в общепитин ботанического сада, а Ольга училась в Москве. Отца и матери у Ольги не было. Как только начинался заветная сессия (третье лето подряд), подружки присылали к Тине в Гудауту, и старики откармливали их мясом и фруктами и баловали вином.

На патные сутки дождь прекратился, к утру море было спокойно, но вода у берега была еще мутная, — никто не купался. Боины вынесла на песок множество водорослей, и они бурным гробием обозначали то место, которого достигал прибой.

В полдень абхазцы привезли на базар салмы и яблони и на бойню приваили на убойный скот.

Весь этот день Сергей и Ольга уединялись, они стали серьезнее, почувствуя: что-то важное рождалось между ними. Вечером они вышли в канатку к морю. Песок был залитым и влажным, море было черное, как все эти ночи, и хотя успокоилось, но еще казалось полно морской решимости. Вдалеке, со стороны Гагры, пала жаскавший огонь.

— Это приближался первый после шторма пароход.

— Поелом вместе, — сказала Ольга. — Я провою тебе, хочешь?

— Бюсю, мне увлечет. Я бы дождался автобуса.

— Не жуйте на этой воле учите! Поелом, — сказала Ольга. — Нужно купить бюкеты на поезд, а то мы с Тиней опоздаем.

— Я не хожу, чтобы ты со мной скала. Я думаю, что мы кончим здесь.

— Неважно, Сергей, где кончить. Нам с Тиней нужно поспеть к началу занятий.

Он не ответил, они стояли молча, и море тоже было тихое, чуть хлещало. В конце концов, если все так ясно и просто, тогда, действительно, нужно кончать — разойтись!

Весь день они говорили об этом, и если вспомнить, они говорили об этом и ясны издав. «Мне уже не жуж и жужа», — подумала Рыбченков, глядя на Ольгу.

Со двора к ним донеслись голоса: там отец Тины устроивал своего приятеля, бондаря, на виноградный сезон в селеенье к абхазцам, приглашавшим скот. Абхазцы кричали:

— Дай бог!

— Дай бог, — вежливо повторяла за ними бондарь.

Это была тост, потому что на мгновение после этого устанавливался тишина.

— Пошли выпей с ними, а я соберусь, — сказала Ольга.

— Я не хочу пить, — ответил Рыбченков, и они вошли в канатку.

«Пить — не пить» — вот все, о чем они говорили с утра... «Учиться... Какой убогий трафарет!» — подумала Рыбченков. — Почему раст? Почему непременно учиться?

Рыбченков подошел к столу, где пили абхазцы, мясники, бондарь. Они его встретили приветственными криками. Он простоял с ними.

А в это время Ольга сказала в комнате Тине:

— Ты ничего не понимаешь, Тинишка. Мне так не хочется оставить его. Я так люблю его...

И Тина долго еще потом в Москве вспоминала, как просто произнесла Ольга это книжную фразу.

На пароходе Рыбченков познакомил Ольгу с Гагулиа. Это был его друг, начинавший милицию: они вместе выпивали. У Гагулиа была длинная нос, такой длинный, что Гагулиа не мог не пользоваться им как предлогом для всяких шуток. Он очень хотел быть «душой общества», но это ему удавалось с сомнительными успехом.

Гагулиа повел Ольгу на капитанский мостик. Взявшись по трапу, он остановился, чтобы пропустить ее вперед, пальцем свернула нос на бок и сказала: «Повалуйста» — странным абхазским шепотом.

Острия-самочука, — утомленно сказала Ольга и умилилась.

Рыбченков лет извинился пальцем, у входа в машинное отделение. Там меньше начало. Он не переносила моря и качки, и, хотя качки никакой, но, всю дорогу до Сухума лежал на спине, подложив под голову ольгию жакет, и видел только черное небо и всякую корабельную сиясть, освещенную фонарями. Ему не хотелось утруждать себя размышлениями, но когда, чтобы отвлечься от приступов тошноты, он старался думать о посторонних вещах, прежде всего вставала перед ним Ольга. «Она права. Я в самом деле распустился за эти три года. Все было бы хорошо, если бы не было у меня так много друзей по всему побережью...»

В то лето, когда Рыбченков сблизился с Ольгой, он уже работал в сухумском ботаническом саду. Он был альпинист, и его держали в штате, чтобы он приносил с гор знаменитые кавказские редолендроны, которые затем отправлялись в Ленинград.

Он хотел освоить скот. В Москву учиться, и Ольга готовила его к приемным испытаниям. По утрам, когда Рыбченков еще спал на веранде, укрившись простыней, Ольга садилась приподнять забытые главы из алгебры и геометрии: Тина тотчас же, по студенческой привычке, приседалась, и они бубнили в два голоса, пока не проспался Сергей. Тогда они бросали учебники в кусты. Их назвали стидами, что они так завышали подготовкой Сергея...

Вторую половину лета Рыбченков провела в горах, обобрал все альпийские дачи, заработал кучу денег и осенью больше не мечтал о переезде в Москву.

В Гудауте он не показывался неделями. Вдруг, вернувшись из экспедиции, он явился рано утром, с первым автобусом. Он держал со всеми шиферами, и они его звали «корем».

Шофер совралась с шоссе, подкатывала прямо к веранде, на которой спали Ольга и Тина, и начинала давить классом. Мужички-хурторпши умезалась подкатывала из автобуса, Рыбченков забрела на веранду и стаскивала с девушек покрывала... Смыслась смех. На соседней веранде показывался рижий грек — капитан Вилгелм. Сквозь форселя пау-дифлери от махал Рыбченкову бутылкой, и, когда автобус, наконец, отъезжал от веранды, все уже знало, что к Ольге пришла муча — тошнотобольная тошнотой несельчан, «курелес», по выражению гудаутских со-бутылкинов. Любитель выпить.

А на третье лето что-то обворовало. Ольге стало ясно то, что не было ясно раньше.

Ольга спустилась с капитанского мостика провостать Сергея. Наверуку было ясно, и он отдал ей из-под головы жакет.

Там тогда Гагулиа все время шепеля анекдоты рассказывает, — сказала Ольга.

Рыбченков засмеялся.

У него каждый анекдот в трех вариантах: для мужчин, для дам и для деушек.

Не отбегая умибой на умибу мужа Ольга ушла наверх. Рыбченкова потянулись, он высосал почти целый лимон, пока, наконец, показались портные огни.

Уже было поздно. Они пошли спать в контуры ботанического сада. У Рыбченкова была ключ, сторон их не заметил.

Они легли на тахту. Сергей хотелос ухити, ему всегда было приятно засыпать, когда Ольга гладила ему волос. Теперь она не была строгой, а снова только ласковой и грустной.

— Ты поешь. Ты алкоголик... Ты думал об этом? Ты подумай, — тихо и монотонно говорила Ольга, как обычно говорила женщинам в темноте.

Он не слышал ничего, что ему говорила Ольга, а только: «Ты... ты... ты...»

— Мне хочется спать, — сказала Ольга. Это он рассматривал. Но дело не в том, что ей хочется, дело в том, что он пыл. Он как бы опорутился в ее глаза.

Рыбченкову показалось, что он уже спит, потому что Ольга гладила его волос. Потом заснула и Ольга.

На городскую станцию надо было прийти к шести часам утра. Они проспали — билетов не было.

— Я не вернулся без билетов. Поеду в Гагры, — сказала Ольга.

— Теперь я тебя провожу, — сказала Рыбченков. — Давай пойдем пешком до Нового Афона, а там ты сядешь в автобус. Давно я не ходил по берегу.

— Где же мы кончим? — спросила Ольга, и они печально умибили друг друга.

Весь день они медленно шли вдоль берега. То вперед них, то сбоку полагали две короткие тени. Справа тянулись горы, покрытые густым лесом, слева белевало море.

Ветер шевелил траву и листья деревьев, но в узкой прибрежной долине раздавался дивный жаркой и плотной волной.

— Как быстро выросло, — заметила Ольга.

Они шли, не очень-то много разговаривая. Они обошли маяк — он остался на мысу, слева от них — и на повороте дороги увидели бухту в зеленой оправе берега и вдалеке, на склоне горы, — Новый Афон. Его трудно было узнать: в сером пятне маслиновой рощи желтый монастырский собор, и службы, и приставы внизу, и синее море, два парусника, и парок.

— В общем, красивые места, — сказала Ольга, когда они зашагали дальше.

— Это надо фотографировать, — заметил Рыбченков. — Я давно не ходил по берегу.

Они не прошли еще и полукилометра, как увидели то место, где переломало движение на шоссе. Холмы здесь теснили дорогу к берегу, и, когда с гор пошла вода, все это покатало к морю.

Весь берег, с мощной дорогой, деревьями и даже с куском кукурузного поля, сполз к морю. Там, внизу, можно было теперь увидеть все это, неравное длинными ломтиками. Кусок кукурузного поля особенно выделялся: он был поставлен стойкой среди поваленных деревьев, и обременен на срезах земля была черной и влажной.

Кроме деревьев уже потерял свежесть: в ливень их волочило по траве, но высокие стебли кукурузы несколько не пострадали. В сентябре с них можно будет, пожалуй, снять урожай.

Рыбченков провел Ольгу по доскам, по которым рабочие стегали тапки с землей. Они прошли разбитое место; пять грузовиков стояли на траве, по ту сторону оползня.

Теперь они шли молча. Дорога была безлюдная, и им не о чем было разговаривать. Они несли разделение на два мертвых куска то, что еще совсем недавно принадлежало им обоим.

— Праздник ты проводишь в Москве? — наконец спросил Рыбченков.

— Я боюсь опоздать к началу занятий, — сказала Ольга, а Сергей про себя вспоминал, как он, приехав оживленным в Москву на праздник, ходил с Ольгой в студеской холосте на демонстрацию. Ольга блуждала, но очков не носит, и, проходя мимо мавзолея, она приставляла тогда к правому глазу стеклышко, чтобы видеть Сталина. У нее есть такое стеклышко от оптоочес очков.

Они купались, сан винограду, купленный с лотка в воротах какого-то совхоза; под самым Афоном их захватил стороной дождь. Они переждали его снова на оттокутну друг от друга.

В этот день они уже не говорили ни о чем, что могло бы связать их снова на оттокутну друг от друга.

Была уже вечер, когда они пришли в Афон. Здесь жила приятель тининго отца, тоже маслины. Ольга исполняла о том, как говорила Тина, что вот, моя, два маслины в двух городках по соседству и сколько лет знают друг друга, сколько вина выпили, а семьями незнаком.

— Хочешь, я выдам себя за Тину, — смеясь сказала Ольга, — и мы переночуем?

— А я твой муж, — поддержала Рыбченков.

Их встретили очень приветливо, особенно женщинам, они распрямляли о здоровье мамы и мамы и приглашались к ольгитной фигуре, хотя с этой стороны все было как будто благополучно; ребята разогнали собак, собаки лизали по всем углам двора, и все это утомило Ольгу, она и без того устала. Она попросила скорее, без ужина, уложить ее спать.

И вскоре они асжали в пустом кукурузнике, в его ластеной корзине, поднятой на четырех столбах, высоко над землей, над домом, вровень с кроной ижиры, на нижних ветках которого были развешенными бычьи пизуры.

— Майя, что здесь нет Гагуны. Он бы устроил молодоженов лучше, — заметила Рыбченков.

Они бысали ворочались, потому что солома шуршала, а Ольга все-таки хотела спать тишиной.

— Серсенька, тебе неслась с ним дружить, — неожиданно ласково сказала Ольга, — ведь ты аагинист.

— Ну, полюбим, я работаю в ботаническом саду. В сыром месте, — усмехнулся Рыбченков...

Ольга молчала.

— Ольга, послушай. А они бы не были так гостеприимны, если бы ты не обижала нас молодоженами.

— Да, — сказала Ольга.

— А не кажется тебе, что ты ошибаешься?

Ольга молчала.

— Ольга, послушай. Не делай этой глупости. Это все-таки ошибка... не бросай меня...

— Я хочу спать, Сергей.

Он еще пождала некоторое время, не шевелясь, потом решительно повернулся на бок и постарался заснуть.

Ночью Ольгу испугала кошка. Ее было трудно прогнать. Под утро, когда стало светать, она явилась снова, это, наверно, было ее место.

В третий раз Рыбченков проснулся, когда Ольга была уже одета.

— Ой, и пидуй, — сказала она.

— Куда ты? — спросил Рыбченков.

— Я услышала сирену, идет парок. Я поспею к нему и сегодня буду в Гаграх. Нужно все-таки купить билет. А ты оставайся. Мы протыся.

Она ушла, поцеловав Рыбченкова в губы.

Он асжал еще с полчаса. Теперь, когда он остался один, можно было разглядеть кукурузник: в нем по стенам висели тикими и перу в связках — все нес'добное, влажная и сидела для мула.

Солома была примята за ночь и не так шуршала, как вечером.

«Она меня оставила потому, что у меня больное сердце», — так он попытается наивно объяснить все, что случалось. В широкие щели ластены виднелось море. Море было зеленым, как на картинах. Было видно, как волны догоняли одна другую и выталкивали белую пену, но и се смывало. Он назвал эту сцену: утро на берегу моря. Ему все еще казалось, как вчера, что это неопорторимо, что нужно что-то запомнить.

Он лежал еще с полчаса и вдруг азялся за голову...

На комсомольских выборах

Сახанидзе разоблачали навазуне выборы.

Он пришел на собрание, как всегда, веселый и развязный, хлопая приятелью по плечу, отпуская шуточки по адресу успешных тесной кучкой девушек.

А через три часа, разоблачаясь, он влился ужом, враг, отпирался, пускал слезу, выкрикивал жалкие фальшиво-патетические слова, пока собрание, единогласно решившее искоренить Саханидзе из комсомола, не заставило его положить на стол президиума комсомольский билет и оставить помещение.

Под личной веселючка, затейника, организатора скрывался авантюрист, которого послали на завод троцкисты. Председатель собрания рассказал о записке, посланной врагом народа Ермаком (сообщником Пятакова) другому троцкистскому бандиту — Голышникову, бывшему техническому директору завода «Динамо». Ермак писал о Саханидзе как о «главном своем парне» и рекомендовал устроить его на заводе. «Подрастет — пригодится».

Саханидзе встречался с Ермаком на даче у своего брата (также оказавшегося врагом народа). За шапками происходила троцкистский инструктаж. Действуя согласно инструкциям, Саханидзе из колен ляг во, чтобы завоевать авторитет у молодежи.

В школе ФЗУ «Динамо», где он стал на комсомольский учет, Саханидзе быстро приобрел популярность. Он брался за все: за массовую физкультуру, здорово выступал, была активен на политзанятиях. Смысловая неспешность «обеспечивала» ему успех у девушек, и он одновременно «крутил» с несколькими. Ре-

бят он охотно одаживал трешки, потерки, и за охотно оказывал ему разные мелкие услуги, например снимал за него рабочую марку, когда он являлся по неизвестной причине не являлся в мастерскую.

Все это всплыло только теперь, на отчетно-выборном собрании. Обнаружились и более серьезные дела.

«Глубоко свой парень» в дни разоблачения военно-шпюнской банды Тучаевского, Янра и других, когда по всей стране прокатываются волны народного гнева, пытается устроить чистку биографий этих подлых изменников родины. Лишь вмешательство комсомольцев срывает контрреволюционную вылазку.

Собрание было поставлено лицом к лицу с явными и лживыми фактами.

Обычно веселые, шумливые, «фабзайды» настороженно притихли, когда Саханидзе начал давить свои обещания. Потом они долго и напряженно расспрашивали:

— За что тебя исключали из комсомола по фактам?

— О чем ты разговаривала с врагом народа за шапками?

— Кто твой родитель?

— Почему ты не сообщил сразу об аресте брата?

Искренним негодованием, возмущением дышали речи комсомольцев, когда потом, после исключения Саханидзе, обсуждалось состояние работы комсомольской организации ФЗУ. Разве случайно, что чувак стал чуть ли не кумиром всей школы? Разве случайно, что комсомольцы палились в хвосте у остальных элементов, что в школе появились хулиганы и дебоширы?

— Меня организация политически не воспитывает, — говорит один из комсомольцев. — Я хочу научиться являться замечательных большевиков. А у нас нет ни одного кружка по истории партии.

— Надо втягивать в комсомол новых ребят, — говорит другой. — Нас совсем не учат, а в ФЗУ большие четверехсот ученись. Я спросил у одного: «Когда наступит в комсомол?» Он отвечает: «А зачем я буду выступать, если там только взимают членские взносы и ничему не учат?»

— Комсомольцы должны быть верными в учебе. В этом году среди комсомольцев мало отличников, — отмечает третий. — И дисциплина у комсомольцев низкая.

Прения раскрывали неприглядную картину. Воспитательная политическая работа комсомола в одной из старейших школ ФЗУ стояла была безобразно запущена. Прения свидетельствовали об этом доводили: во-первых, — фактами, о которых говорили комсомольцы; во-вторых — и это существенно, — тем, как люди об этих безобразиях фактах рассказывали.

Выступавшие искренне негодовали, возмущались. Они называли фамилии, имена, перечисляли случаи пьянства и срыва занятий, критиковали несправку на лица. Кри-

тики несли было отказать в конкретности. Но ей недоставало другого — глубины.

Почти никто из комсомольцев не попытался взглянуть на работу своей организации с высот тех обобщений, которые дал товарищ Сталин на февральском Пленуме ЦК ВКП(б). За исключением двух-трех человек, никто не говорил о капиталистическом окружении, о уроках процессов троцкистско-зиновьевских бандитов, о подготовке к выборам в советы. К сожалению, и комсомольско-инструкторы (люди взрослые) не проявляли в своем выступлении зрелости мысли и широты взгляда.

Помолком тов. Барбой выступала на собрании несколько раз. Чаще всего он увещевал ребят, призывал к порядку, корил того или иного комсомольца за тот или иной (иногда мелочный) проступок.

Так ли нужно разговаривать сегодня с комсомольцами? Не пора ли от мелочной охоты перейти к полному боевому стилю руководства массой молодежи? Не пора ли некоторым активистам найти и новый язык в общении с молодежью — ясный, прямой, мужественный язык политического руководителя, умеющего вести за собой массу без оглядки и без надежданных нотаций?

Комитет избирался впервые. В список для тайного голосования сначала наместили много кандидатов, но тут начали поступать отводы.

Одного отвели за то, что, будучи комсомольским группиром, он развалил работу группы. Когда срывались занятия политкружка, он не только не беспокоился, но и сам гадал и шутил. Он был также недисциплинирован. Ребята шутя говорили, что этот товарищ страдает «лижогом». Под «лижогом» подразумевалось привычка симулировать, уходить с занятий, чтобы прелеститься курению. Нет, таких в комитет не надо.

Другого отвели за угодничество и подхалимство. Парень этот умея произносить слаженные речи, превозносил комсомольское «начальство», но ничем себя в организации не проявлял.

Третьего вычеркнули из списка за политическую малоратность. Если комсомольцев не умеет раз'яснять беспристрастных решения правительства, бесценен даже отпор вражеской вылазке, то место им в руководстве? Конечно, нет.

При голосовании провалена была также кандидатура одной девушки, относительно которой никто не сомневался, что она попадет в состав комитета: девушка давно уже вела общественную работу. Когда обсуждалась ее кандидатура, кто-то спросил:

А что у тебя вышло на черенки?

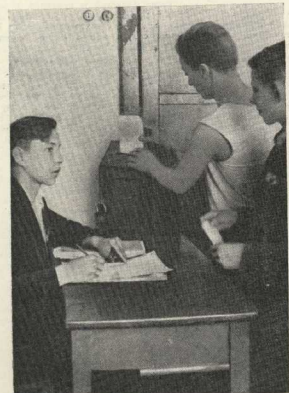
Девушка умялась рассказывая: — Пустакое дело. Не успела пригнотывать чертен, ну и срисовала у парту... А преподаватель заметил. Ерунда в общем. Она считала происходящее пустяком, но комсомольское собрание реагировало на этот факт иначе: оно не избрало в комитет человека, срывающего учебную дисциплину.

Поднимаются снизу новые люди, новые активы. Те старые активисты, которые в усложнившейся обстановке не проявили боевых большевистских качеств, притупили бдительность, не росли идейно и культурно, — те активисты решительно сходят со сцен.

В комсомольский комитет ФЗУ «Динамо» оказались избранными два старых активиста и три новых (всего 1936 и 1937 г. годов). Характерно, что эти трое, кого организация впервые выдвигала к руководству, Двое — Инсон и Буринский — отличники, скромные, упорно работавшие над собой, кончили школу не раз преворвали из за блестящих показаний учебы. Третий — Тишнев, председательствовавший на собрании и давший четкую политическую оценку действиям Саханидзе, — активист, энергичный, жвакий, энергичный комсомолец, приехавший в Москву из колхоза Западной области.

Все трое первый раз в жизни становились активистами. Организации доверили им. И они сообразили огромную свою ответственность за будущее этой организации.

Г. МИХАЙЛОВ

Ленинский комсомол впервые проводит выборы на основе закрытого (тайного) голосования. Комитет ФЗУ завода «Динамо» имени Кирова опускает в избирательный ящик списки кандидатов.

Фото Н. Гущина

Министр, царь и «кухаркины дети»

МИНИСТР

Иван Давыдч был известным добряк. Все так и говорили о нем:

— Простой, отзывчивый, душа параспашку.

Он и сам повторял постоянно: — Двери мои открыты для всех. Приходи и бедный и богатый! Если с вами случалась беда, идите к Ивану Давыдчу. Живет он на Невском, во втором этаже, в доме армянской церкви.

Иван Давыдч истерик был очень радужный, усадил в кресло, угостил папирусом, внимательно выслушал и даже губами улыбался.

— Не хотите ли, чтобы он дал вам папируску и какой-нибудь важной записки? Сделайте одолжение! Пожалуйста! Иван Давыдч никому не отказывает!

Вы даже не просили его, а он с радостью махнул пером, придалавет бумагу и пишет о вашей беде генерал-лейтенанту Гресеру, или князю Мещерскому, или графине Узаровой, или Вишнерградскому, министру финансов. Мало ли у него всемогущих знакомых!

Почуда он пишет, вы смотрите на него с благодарностью. Есть же на свете хорошие люди! Даже наружность его начинает вам нравиться. Сам он маленький, а голова как котел—амсяга голова, без единого волоса. Ни борозды, ни усов! И вам начинает казаться, что он ужасно похож на щекаунца, каких вы в детстве щелкали орехи: жюкки тоненькие, нос закорючкой,—и от этого он кажется вам еще симпатичнее.

Но вот он кончил и размахивает почерком написан в конце письма слою фамилию. Есть же на свете такие хорошие люди! Ожида, чтобы просили чернилы, он начинает беседовать с вами: или нет, не беседовать, а просто хвалить как со старым приятелем: словоохотливо, душа параспашку.

— Ну, что в вашем городе? Этот Юнгейстер? Говорят, он хушту отчаянный...

— Да, ваше сиятельство, такой живодед. Не дальше, как на прошлой неделе...

— А верно, что у Франки, в кондитерской, он приуздрился за какой-то еврейской... а супруга его, Евдокия Семеновна, сняла с себя тут же туфля до халста его по щечам, по щечкам?

— Не знаю, ваше сиятельство. Но...

А он рассказывает вам слезливо за сплетней. Рассказывает вкусно, с алетитом. Видно, что анекдоты—его специальность.

Так и сыплется из Ивана Давыдча имена и фамилии... Он помнит репитально всех, того видел хотя мельком лет двадцать назад. Он знает подлинную каждого, как будто доскисет старух специально для него собирали всякие сплетни, пересуды, разговоры и шопоты и приносил сюда, в министерский его кабинет.

— А правда ли, что Курячий Сергей Парамонич пьянствует со своей кухаркой?

— Не знаю, ваше сиятельство... Но...

А между тем существует отличное средство от пьянства, верное средство, на себе испытан. Возьмите две унциы.

И он сообщает вам подробный рецепт. И просит передать его, нет, не Сергею Парамоничу, а его кухарке, уж вы не забудете!

Чернила на рекомендательном письме, написанном рукою Ивана Давыдча, давно уже успели просохнуть, а он все еще халывает с вами. Сказано у него, одавно, свободного времени! Наконец, он вспоминает о письме и тут же вкладывает его в большой министерский конверт и пишет на конверте своим добрым размахистым почерком:

«Его Высочествоисходительство
Михаилу Николаевичу
ОСТРОВСКОМУ
Господину Министру Государственных
имущих
От Графа Деянова»—

...Эта жирная улыбка, эта маслянистая лысина—
дасть бы ему подушкуну салфетку, на него вышел
бы превосходный лакей...

лосческой помощи от этого анекдотиста и сплетника.

С отращиванием вы начинаете вспоминать его анекдоты и сплетни. Вся его наружность кажется вам теперь омерзительной: эта жирная улыбка, эта маслянистая лысина—дасть бы ему подушкуну салфетку, из был бы министром, сенатором, графом, не сидел бы в Гатчину и в Аничков дворец к своему огромному, бородавотому, сонному, рылому воднистому барину.

Под маской патриархального благодушия и старостерской любезности скрывается отогатый прождок, который ради карьеры всегда готов на любое бесчестное дело. Угодная своему барину, он в качестве министра народного просвещения только и старается о том, как бы не допустить широкие массы к знанию, поладывая удерживать их в темноте и невежестве. Он подчинял все начальные школы полиции, все университеты—полиции, он ввел в гимназии систему шипования, доносов, предательства, и все с одной единственной целью—ослабить, уничтожить «крамолу». Какую звериную ненависть внушила ему эта «крамолка», видно из той строки, которую он написал в одном частном письме о куренствах, участвовавших в антиправительственной демонстрации: «Вало-то этих девок шуте до душонок!»

ЦАРЬ

Барин был простой, еще проще Ивана Давыдча. Хотя у него было много великодушных дворцов, он ютился в тесной и душной квартирке с низкими потолком, со скверной мебелью. В спальню трудно было войти, такая там стояла ужасная кова: там жила вместе с барнином четверть собаки.

...Почти каждая из этих бумаг направлена к единственной цели — остановить идущую на него революцию...

Этот барин — всероссийский император царь Александр III. Человек неповоротливый, жирный, огромный и скучный, с отвратительным пьяно-свинным лицом.

Покалуиста, не думайте, будто он только и дела, что пьянствовал. Нет, по правдинам он играл на трюмбоне, а в будни целыми днями просиживал в Гатчине, вдал от людей, в низком, душном и темном своем кабинете, и читал и подписывал кляпы приказов, указов, распоряжений, законов. Глядя на него, как он сидит с утра до ночи над своими бумагами, усталым, обвислым и сумрачным, вы непременно подумали бы: «Как несвоебо было дарем».

Ему и в самом деле было скучно. Но надо же «спасти» любимую Россию. «Спасать» от «мерзавцев», которые ее погубят. Надо истреблять их десятками, чтобы ни одного не осталось, иначе даже страшно подумать, что станет с несчастной Россией... И вот, «спасая» Россию от «гибелей», он ищет кровавым потопом на бумагах, которые лежат перед ним:

«Каналья!»
«Дрянь!»
«Негодяй!»
«Дурак!»
«Скотина!»
«Экое стадо свиней!»

Так называет он революционных бойцов, которые, по причинам ему непонятным, идут на каторгу, в тюрьмы, на виселицы. Вместо того чтобы сказать: «И спасую от них мою шкуру!», — он говорит: «Я спасую от них Россию!», — так как видит, что его шкура и Россия — одно и то же без него, без царя, без России рассыпается в пыль.

Опорой его престолу являются крупные землевладельцы, заводчики, купцы, кулаки, и всю свою политику подчиняет он их интересам. Ради них уничтожает он одну за другой эфемерные реформы своего «родителя» Александра II, ради них он при помощи земских начальников отдает миллиона беднейшим крестьян в руки их прежних господ, ради них он душит «инородцев», ради них он предоставляет отечественному капиталу право безудержно грабить все население Российской империи, ради них он с утра до ночи искореняет «крамолу».

Тут же, недалеко от Аничкова дворца, за углом, на Литейной, живет Пободоносцев, его учитель и друг, глава всех российских попов. Анисей, с большими ушами, похрюки на тощую лапу в очках, этот фанатик поддерживает в царь убеждение, что сам господ Саваоф, сидящий где-то здесь, неподалеку, на низеньком гатчинском небе, благословил его на искоренение «крамолы».

До позднего вечера просиживает царь над своими бумагами. Почти каждая из этих бумаг направлена к единственной цели — остановить идущую на него революцию. Уверенный, что это дело ему по плечу, он упрямо идет напролом.

Народ кажется ему надежной опорой для его трона, и он не раз и не два заявляет в своих манифестах, что «русский благочестивый народ во всем счастлив любовью и преданностью своим самодержцам». Он хочет казаться народным — и даже протонародным — царем.

Подчеркивая протонародность своего царствования, этот полунемец отпустил себе славянофильскую бороду, носил косоворотку, сапоги бутылками, шапку набекрень. И всякому заморскому вину предпочитал родную сивуху.

Впрочем, его «народничество» тут и кончалось. Потому, что в основе всей его «народной» политики лежало свирепое угнетение народа, эксплуатация разоренных крестьян в утробу кулакам, фабрикантам и крупным помещикам. Ленин определял эту политику кратко и точно: «Так называемая народная, а на самом деле дворянско-попавская политика» (Ленин. Т. IV, стр. 159).

«КУХАРКИНЫ ДЕТИ»

Самодержавный «народолюбец» явнее всего обнаруживал свои подлинные чувства к народу, когда дело шло о народном образовании, о школах для масс. Тягу своего любимого «простого народа» к культуре он считал опасным преступлением, которое необходимо пресечь в самом корне.

Когда крестьянка Анявина, привлеченная к суду по одному революционному делу, упорничала в том, что она мечтала отдать своего сына в гимназию, Александр III написал, между прочим:

«Это-то и ужасно! Мужик, а тоже лезет в гимназию!»

Когда тобольский губернатор не без прискорбля довел в своем докладе до монаршего сведения, что в губернии мало грамотных, царь написал на полях:

«И слава богу!»

Он хорошо понимал, что «простые люди» лишь до той минуты являются надежной опорой престола, пока они в неграмоте.

Потому он так расслышал, когда обнаружилось, что неграмоты ни на какие приказы дети дворянок, судомоек и прачек так и «слезут» за науку в гимназию.

В 1887 году молодые студенты, первокурсники, вчерашние гимназисты, дети очень небогатых родителей, организовали похищение на жизнь царя. Значит, во всем виноваты гимназисты! Значит, для того, чтобы утихомирить студенчество, нужно очистить гимназии от озабоченной и недОВОЛЬНОй бедноты.

Чуть только Ивану Давыдову стало известно, что, вдохновляемый Пободоносцевым, царь намерен очистить гимназии от неспасительных «чужаков», он еще до всяких распоряжений по этому поводу изготовил проект циркуляра: изгнать из гимназий не только крестьянских и мещанских детей, но даже детей небогатых купцов, чтобы там учились одни лишь богатые и дворяне.

Александр III прочитал и поморщился:

«Это хорошо бы... Но перед Европой нехорошо... Надо бы как-нибудь помалочнее...»

И Иван Давыдов тотчас же изготовил другой циркуляр, либеральнее. Циркуляр, который прославлял его на многие годы, а может быть (кто знает?), на века. Циркуляр о так называемых «кухаркиных детях».

Не меньше четырех коммат должен иметь человек, чтобы иметь право посылать своего сына в гимназию.

В Сталинской Конституции записано одно из величайших прав советского народа—право на образование. Каждый из наших ребят может учиться. Каждый может заниматься тем, что его интересует. На фото: кружок юных любителей биологии.

5 июня 1887 года (покалка назад) этот циркуляр вступил в силу. В нем царский министр предложил всем директорам гимназий освободить внешние им заведения от «детей кучеров, лакеев, поваров, прак-ческих, мелких лавочников и тому подобных людей, кои вовсе не слагают выводить из среды, к коей они принадлежат».

Дети поваров пусть навеки останутся поварями, дети кучеров—ку-черами, а право на образование предоставляется лишь богатым и барам! Одним расчерком реальный зубр обрел на невежество десятки тысяч даровитых и жаждущих просвещения детей.

Напрасны были молбы и протесты: циркуляр выполнялся с беспри-мерной строгостью.

Директора гимназий стали состязаться в жестокости. Например из одесских гимназий изгонили всех тех, кто... жил в махизмах и тесмах, квартирах. Не меньше четырех комнат должен был занимать человек, чтобы иметь право посматреть своего сына в гимназию! Если он зани-мает три комнаты, мальчика даже не допустят к экзаменам. Если у него одна кухарка, его сыну никогда не бывать гимназистом. Только те, у кого есть и кухарка и горничная, могут надеяться, что их дети преи-дут гимназический курс. Плату за обучение в гимназии Иван Давыдыч, конечно, повисил, чтобы окончательно отодвинуть бедноту от наук.

И результаты этой меры оказались блистательными: в гимназиях стало тихо и пустынно.

По сообщению «Нового времени», в начале следующего учебного года в женские гимназии поступило второе мнение учениц чем в предыду-щем году!

В классах, предназначенных для 40 человек, теперь училось не больше 12.

Во многих гимназиях закрывались параллельные классы.

По сообщению газеты «Русские ведомости», в витебскую гимназию было подало 52 прошения, а приняла всего лишь 13 человек.

По сообщению газеты «Неделя», в ярославскую гимназию подано было 30 прошений, принято же всего лишь 5 человек. А можно было принять до 50.

В Одессе в Ришельевскую гимназию из 120 прошений принято 60, а во 2-ую гимназию из 80 принято 11, причём в гимназии осталось около 80 заявлений («Неделя» от 30 августа 1887 года).

Наряду с этим отчислением гимназий от детей «завередной» бедноты Делянов решил заодно произвести и другую, столь же «полезную чист-ку»: изгнать из всех гимназий евреев. Царь вместе с победоносической

капкой был твердо уверен, что «жида» по самой своей природе—враги государства и что если дать им образование, то них уже не будет спас-ения!

«Добрый Иван Давыдыч» с большим удовольствием написал цирку-ляр о недопущении евреев в гимназии. Ввиду особенной милости разре-шалось допустить в гимназию не больше 3 евреев на каждую сотню учащихся.

В столице евреям была предоставлена «трехпроцентная норма», а в черте оседлости (например в Одессе) милостиво разрешалось на каж-дые 100 христиан принимать 10 евреев. Так как директора гимназий за прием каждого еврейского мальчика брали с их родителей крупные взятки, то в гимназии главным образом попадали сыновья еврейских богатей. Да и то с незначительным трудом. «В первую прогимназию (в Одессе) не принят ни один еврей, во вторую прогимназию принято два еврея, в третью прогимназию принят только один еврей»,— сообщают «Одесские новости» от 5 августа 1887 года.

Царь милостиво улыбался Ивану Давыдычу. Иван Давыдыч чувство-вал себя чуть ли не спасителем родины:

—Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».

Но самодержавие переживало такой гибельный период своего бытия, когда всякая мера, предпринимаемая для борьбы с революцией, только сильнее способствовала росту революционных настроений в стране.

Ликвидация права на образование десятки тысяч молодых людей, оно тем самым озлобило их и сделало всю их массу превосходным горючим материалом революции. Страна была полна «недоучек», выброшенных на третье и четвертое классы, которые с удивленной ненавистью от-носились к самодержавному строю.

«Отчисление» гимназии все равно не удалось уберечь от революцион-ных вайаний. Студентство, прошедшее через эти гимназии, сыграло в русском освободительном движении огромную роль, о чем свиде-тельствует все десятилетие революционной борьбы с 1895 по 1905 год.

Так что деляновский циркуляр о «кухаричных детах» оказался не только жестоким, но и совершенно бесполезным.

Именно в то время, когда Делянов обнародовал свой циркуляр, в России выступила новая революционная сила—организованная рабо-чая масса, которой и было суждено победить.

СМЕРТЬ МЮЗАМА

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

1933 год застал нас в Бритте, рабочей окраине Берлина. В течение последних недель мы получали немало грозных предупреждений. Чуть ли не ежедневно приходили к нам письма, анонимные авторами которых угрожали мочу мучу смертью. Ненависть Мюзаму к фашизму была общезвестна: о ней свидетельствовали вся его жизнь, полная борьбы, и многолетняя литературная деятельность. Гебелс называл Мюзаму одним из «стубителей Германии».

Нужно было уезжать, но для поездки за границу не хватало денег. С трудом удалось собрать у друзей на билет до Праги. Мюзам предполагал выехать утром 28 февраля.

Вечером 27-го вспыхнул рейхстаг. В 5 часов утра, когда мы еще спали, к нам явились комиссары берлинской уголовной полиции.

Мужа арестовали. Это был третий арест в его жизни.

Процаясь, он сказал мне:

— Положение обострится. На этот раз, Ценцал, повидимому, все будет гораздо серьезней.

ТЮРЬМА, В КОТОРОЙ НЕ БЫЮТ

На другой день я узнала, что Эрих в тюрьме на Агнерштрассе. По слухам, в этой тюрьме заключенных еще не было.

Мюзам был спокоен. Он писал мне из тюрьмы:

«Я чрезвычайно далек от страха за себя. Думаю, что достаточно доказал это за десятилетие борьбы, действительно сделавшее для меня опасностью привычку».

Впервые я получила разрешение на свидание с мужем 6 апреля. Это был день его рождения. Я захватила с собой в тюрьму весеннюю одежду: ведь его арестовали зимой, в зимнем пальто.

На Агнерштрассе мне сказали, что Мюзам как раз сегодня отправлен в Зонненбург, в концентрационный лагерь.

Я вспоминала с ужасом, что при нем была такая суданка. Неужели ему придется нести его?

Эрих был совершенно беспомощен в житейских мелочах. Близорукость и гастрит на одно уло делали его особенно неловким. Ему минуло 35 лет, у него было болно сердце.

Я надеялась только на то, что товарищи ему помогут.

Позднее я узнала, что спутники Мюзамы действительно пытались помочь ему, но штурмовики не допускали взаимных услуг. Когда Мюзам падал под тяжестью суданки, штурмовики били его резинowymi палками до тех пор, пока он не поднимался, обливаясь кровью. Раз, когда он, спотыкаясь, упал, его хотели прирестать.

Дорога в Зонненбург была началом страдальческого пути моего мужа.

СВИДЕНИЕ В ЗОННЕНБУРГЕ

Около 11 часов я приехала в Зонненбург. Политические заключенные помещались в заупокойном, старом корпусе. Охрана состояла из штурмовиков.

Я ждала около часу. Наконец, меня допустили к мужу.

Мне было трудно скрыть от него свой ужас. Он сидел передо мной неузнаваемый, без пенисы, с выбитыми зубами. Эти звери пострелили ему бороду так, что лицо его стало карикатурным.

— Зачем ты приехала в этот застеноч? — сказал он мне. — Они не ахнут тебе, и потому что ты видела, во что они меня превратили.

Свидание длилось десять минут, при нем

ОТ АВТОРА

Мой муж, революционный немецкий писатель Эрих Мюзам, побиеный три года назад, всем сердцем своим ненавидел фашизм.

Мюзам был арестован 28 февраля 1933 года, в ночь пожара рейхстага. С этого дня началось его мучение, продолжавшееся 17 месяцев, вплоть до ночи с 9 на 10 июля 1934 года, когда он был убит охранниками: командантом лагеря Эйсе и ротным командиром Бернером. Оба они известны всему миру своими подлыми убийствами в концетрационном лагере в Дахау (Бавария).

Товарищи Эрих Мюзам стойко переносили свои страдания, он превращал свои мучения и верил, что жертву принимают не даром. Он никогда не жаловался. Он только просил меня во имя сотен тысяч томимых в тюрьмах и замурованных за дверями социализма расказать всему миру о том, что такое фашизм.

Крестенция Мюзам

присутствовали штурмовики. Процаясь, Эрих сказал мне:

— Запомни, Ценцал, я никогда не буду трусом.

«ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ...»

Позднее я узнала о письках, которыми подвергали Эрих в первые дни пребывания в Зонненбурге. Его вместе с тремя товарищами заставили рыть себе могилу в жесткой земле тюремного двора. Их поставили на краю этой могилы. Штурмовики, поднимавшись, приказали петь песню Хорста Весселя. В ответ раздался «Интернационал». Когда зазвучала строфа: «Это есть наш последний...» — штурмовики скомандовали:

«Пит!»
«Но они не выстрелили, они опустили винтовки и стали бешено хохотать над удавшимся шуткой. Тогда Эрих крикнул им: — Вы слишком трусливы, чтобы довести дело до конца!»

Я БУДУ КРИЧАТЬ НА ВСЕХ МИР

В конце мая я получила от Мюзамы новое белое, оно было пропитано кровью. Я пошла с этим белым к оберпрокурору Миттельбаку и заявила ему:

«Я буду кричать на весь мир, что моего мужа избивают. Я требую, чтобы его сейчас же перебили на Зонненбурге».

Миттельбак помог мне. Он поехал в Зонненбург и передал оттуда в Берлин двух наиболее пострадавших заключенных: Мюзаму и адвоката Литтена.

За мягкое отношение к заключенным Миттельбак был вскоре смещен.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МЮЗАМА

Сохранилась записная книжка Мюзамы от 1933 года. Вот несколько выписок на нее:

«Пятница 31 марта — Отправка в подшефный президенту (с Гаданом, Кюстером, Шмеллером, Реймером). Новая ставка с журналистами.

Суббота, 8 апреля. — Переход в одиночку (полава, борода и т. д. Сандега и Ценцал. Земельные работы с Карлом Осекким).

Воскресенье, 9 апреля. — Раниение челюсти, уш.

Среда, 12 апреля. — Тяжелый сердечный припадок вследствие переутомления.

Четверг, 13 апреля — Утомление, как вчера, течь из уха.

Суббота, 22 апреля. — У врача. Выговор за неуплату консултации.

Понедельник, 24 апреля. — Нападение в камере. Побой.

Четверг, 4 мая. — У врача (голен для работы).

16 и 17 мая. — Нападение в камере.

ПЕРЕДЫШКА

В июне Эриха перевели в Платтенбург. Здесь Мюзам не били, и он мог работать над своим романом.

9 августа он писал мне: «Работа поощряет меня так, что и почти не способен писать серьезные письма, тем более, что весь роман будет состоять из писем... Нужно довольно много времени, чтобы закончить книгу, но боюсь, что я могу работать над ней не торопясь».

В Платтенбурге Мюзам пробыл три месяца. В конце августа вышел приказ Геринга о мерах воздействия на политических заключенных.

23 августа в камере Мюзам был пронаведен обшес. Его дневник и рукописи романа были конфискованы. Через две недели Эриха перевели в Бранденбургский концентрационный лагерь. При первом свидании он сказал мне:

— Конфискация рукописи отразилась на мне гораздо сильнее, чем ах побой.

РАССКАЗЫВАЮТ ОЧЕВИДЦЫ

6 октября я впервые увидела с Мюзамом в Бранденбурге. Он сказал, что он сыт и бодат. Это значило, что его сыт и бодат. В течение полутора месяцев я не получила разрешения на свидание с ним. Мне слишком трудно рассказывать о том, что пережила Мюзам на это время. Приведу сообщения очевидцев, сидевших вместе с моим мужем в Бранденбурге.

Один из них пишет:

«Я встретил Эриха Мюзаму в октябре, во время мытья лестницы в коридоре. Мы знали друг друга с 1928 года. Мюзам доверял мне. Я сказала ему, что использую все, чтобы передать гласности его мучения. На это он ответил:

— Не забывайте, что таким же пытками подвергают в этих застенках тысячи неизвестных рабочих. Не превращайте общественного вопроса в личную».

В этот момент к нам подошел «принятел» Цакки — охранник, отгнавшийся особой жестокостью. С ним был один русский, по фамилии Димитриев, член русской фашистской организации в Берлине (РОНД). Он жав в Бранденбурге под видом «заключенного». На деле этот «заключенный» имел полномочия избивать узников-антифашистов, в частности евреев.

На моих глазах началось страшное избиение Мюзамы. Его били в живот, колотили по голове, дергали за бороду и волосы. Затем они заставляли его выпить из ведра грязную воду. Они голали измученного Мюзаму, обливая его кровью, веревки и вили по четырем стенам, причем охранники из всех сил стегали его веревками и били ногами...»

Другой очевидец сообщает мне:

«Вечером 12 октября 1933 года загрохотал засов железной двери.

Смирно!

Мне выткнули руки по швам. Вошло двое вахмистров.

— Мюзам, выйди.

Один из вахмистров, широко улыбаясь великан, держал в руках вымпал фашистской гаваты.

— Мюзам, здесь статья о тебе.

Он обратился к нам:

— Оказывайтесь, среди нас находится важ-

ная persona. Мюзам, где ты была в 1919 году? В Мюнхен? Ты была там министром?

Эрик Мюзам спокойно ответил: — В 1919 году я была в исполнительном комитете Мюнхенской советской республики.

— Что вы там делали?

— Мы отстаивали пролетарскую революцию. — Взор! — закричала вахмистр и ударила Мюзам по щеке. — Ты велела расстрелять 22 заключенных, сивиль!.

Эрик зашатался и упал. Вахмистры прыгнули на него. Потом они подняли его и стали издеваться.

— Что ты делаа в Мюнхене? — кричала вахмистр.

Дрожанием голосом Мюзам ответил:

— Тогда расстреляли 22 заключенника я была заложкой от Мюнхена, в тюрьме, куда меня послало тоггательство баварского социал-демократического правительства.

На Мюзам снова посыпались удары.

Тот же очевидец называет 24 октября ужасным днем.

«После обеда, — вспоминает он, — раздался возглас:

— Ейрек, выйди!

Пять товарищей покинули камеру. Через час четверо вернулись. Мюзам остался там.

Возвратившиеся рассказывали:

— Сначала нас заставили играть в детскую игру: бить друг друга указательными пальцами. Потом пришлось плакать всей рукой. Наконец, мы должны были давать друг другу пощечины. Мюзам отказался. Тогда вахмистр ударила его ногой всех сил по лицу. Мы должны были сделать то же самое.

Спустя полчаса, шатаясь, вошла в камеру Мюзам. Лицо его было багровым и опухшим, под глазами — кровоподтеки. Он в изнеможении упал на матрац.

— Эти сивиль, — сказал он, — высморкались мне в рот...»

НЕКОГО ПРОСИТЬ

28 ноября я, наконец, получила разрешение увидеться с мужем. Он был усталым, измученным. Она уже распустила. Он почти ничего не слышал. Кроме того выяснилось, что передачи, которые мы, женам заключенных, с таким трудом собирали для наших мужей, штурмовики почти всегда крадут.

Я бегала по укреплению. Но не было возможности даже подать жалобу. Новый оберпрокурор, доктор Коврали, не принимал ничего из нас.

Так как главным предлогом истязаний Эрика была жившая версия о казни заложников, я просила газету напечатать опровержение. Написанная полнотел! Редактор одной из крупных берлинских газет сказал мне, что, к сожалению, ничего не может сделать, так как приходится считаться с распоряжениями министерства пропаганды. Мы были беспомощны. Беспомощные, бесправные, смотрели мы на то, как фашистские садисты истязают, мучают и угрожают жизни наших мужей...

ПОЖАТИЕ ФАШИСТА

Значительно позднее мы рассказывали мне еще об одной попытке, которой он подвергся в Бранденбурге. Русский фашист Димитриев требовал от Мюзам, чтобы он вылезалась с полуго палачи. Мюзам не подчинялся. За это фашист избивала его. Однажды, когда Мюзам попросил разрешения написать мне, к нему пришел Димитриев в сопровождении охранника. Димитриев сказал:

— Мюзам, дайте, пожалуйста, вашу руку.

Эрик отказался. Охранник приказал ему дать руку Димитриеву. Пришлось подчиниться. Димитриев схватил сначала правую руку Мюзам, потом левую и так оттянул назад большу палец, что вывихнула их.

— Теперь пишите своей жене, — сказал он. Творимый враг отказался считать измученную руку Мюзаму вправленным палец заключенные.

ОБЕЗЬЯНА ЧЕЛОВЕЧНЕЕ ИХ

Из писем штурмовики узнали, что Мюзам очень любит животных. При одном из обысков им попалась большая человекоподобная обезьяна. Ее привезли в лагерь. Вахмистры пытались натравить животное на Мюзам. Но обезьяна не поддавалась. Почувствовав, кто ей друг, ища защиты, она в смертельном страхе кричала и Мюзаму и стала целовать его.

Охранники это пришлое не по вкусу. Они долго мучили обезьяну на глазах у Мюзам и, наконец, пристрелили ее.

„ЛУЧШИЙ ИЗ ЛАГЕРЕЙ“

В конце 1933 года стало известно, что Бранденбургский концентрационный лагерь за последние Мюзам переехал в Ораниенбург. Я возлагала на это большие надежды. Ораниенбург называли одним из лучших лагерей. Говорили, что заключенных там не мучают и при свидании можно сказать и беспрестанно разговаривать по 2 часа.

Я поехала в Ораниенбург. Большая приемная была перегорожена барьером, за которым

Эрик Мюзам.

стояли заключенные. Мюзам был чисто выбрит, волос коротко острижены. Товарищи уступили мужу место у барьера, так как он почти потерял слух. Он подошел вплотную к барьеру.

— Меня уже здесь избивали, — шепотом сказал он.

Я потянула его руку и хотела передать ему термос с кофе, но тут прибавил штурмовик Петшер, прозванный в лагере «Улар с небас».

Он вырвал термос у меня из рук.

— Дайте сюда! Нельзя вонючему еврею пить воду.

Он отырнул термос, понюхала и вернула его мне.

СУДЬБА ПОЭТА В „ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ“

Главным злом лагеря был заместитель команданта Штальгоф.

Муж был вложен во вторую часть шестой роты, так называемую еврейскую часть. Ейрек Штальгоф влезал в свой кабинет, знаменитую комнату № 16. Там он допрашивал их, оскорблял, принуждал делать безобразные поступки.

Ейрек заставлял носить на рукаве белые повязки. Отмеченным этим знаком в Ораниенбурге приходилось много хуле как «арийцам». Самую тяжелую, самую грязную работу поручали заключенным-евреям. Мюзам был в их числе. Для него, поэта, у «третьей империи» не нашлось иного дела, кроме чистки убогих, из которых он должен был выносить нечисто-

ты часто гонимыми руками. В так называемые свободные часы Мюзам обучал шпатель чужих. При этом штурмовики издевались над его неумелостью и беспомощностью. В Ораниенбурге он ни разу не получил разрешения заниматься умственным трудом.

„ПО ПРИКАЗУ“

22 июня Ораниенбургский лагерь посетил иностранная комиссия. Один из членов ее спросил Мюзам, добровольно ли он избирался и придала себе такой вид. Мюзам ответил:

— По приказу.

Не успела комиссия уйти, как Штальгоф позвал Мюзам во двор. Он стал хвастать его по ценам в присутствии всех заключенных и заставлял его, тяжело больного, бегать по двору до тех пор, пока тот не упал обессиленным. На другой день я получила от мужа открытку:

«Ораниенбург. 22 июня 1934 года.

Дорогая Цециль!

Должен тебе с сожалением сообщить, что в течение четырех недель мне запрещен свидания и переписка.

Будь здорова. Целую тебя. Твой Эрик.

Я уже собиралась ехать к нему и слоужила вещи, когда получила эту открытку.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

До конца июля Мюзаму запрещенным были свидания. В пятницу, 6 июля, ко мне пришел несколько освобожденных из Ораниенбургского лагеря и сообщил, что лагеря переехал в руки охранников. Штурмовиков больше не было. Мне советовали добиваться разрешения на свидание с мужем.

В воскресенье, 8 июля, я поехала в Ораниенбург. Около лагеря собралось много жен и близких, просивших о свидании.

Новый командант дал нам разрешение.

Заключенных вызвал во двор. Около каждого стола охранник в стальном шлеме. Нам разрешили разговаривать в течение 10 минут. Эрик необычайно радовался тому, что я пришла. Я сказала ему, что в «Матан»¹ напечатано воззвание польской интеллигенции, требующее освобождения его, Костера и Оседлого.

Он говорил со мной о некоторых семейных делах и напомнил о предстоящем дне рождения одного из его братьев.

Время свидания истекло. Простались мы как обычно.

УБИТ

10 июля, возвратившись домой, я нашла в коридоре записку:

Р. П. К.

215.11/VII-34.

Фрау Мюсам!

Настоящим Вы выносите по делу моего мужа в 215 полицейский власти, комната 29.

Дело серьезное и спешное.

Айхтер, полицейский капитан.

Я тотчас же побегала в полицию. В комнате 29-й комиссар сказал мне:

— Фрау Мюзам, я должен сообщить вам, что ваш муж умер. Можете поехать в Ораниенбург и получить его труп.

Я крикнула комиссару:

— Моего мужа убий!

Он начал плакать и повторял:

— Я должен только сообщить вам, что он умер.

Я тотчас же поехала в Ораниенбург.

Штальгоф сказал:

— Ваш муж потерял самообладание и повесился. Сейчас он лежит в могиле на деревенском кладбище.

(Окончание см. на стр. 19).

¹ Французская газета.

В день открытия Международной парижской выставки Поль Вайен Кутюрре, известный писатель и один из вождей французской компартии, писал в «Юманите»: «Открытие выставки — торжество и победа человеческого труда». Он имел все основания писать так: да, торжество и победа, ибо народный фронт, создавший выставку, должен был бороться за нее, преодолевая сопротивление всех реакционных элементов страны.

План выставки был создан три года назад, и еще тогда, следовательно, можно было приступить к работе. Но вместо этого при попустительстве и прямом участии стоявшего у власти реакционного правительства начались погоня за постыжными и выгодными должностями, злоупотребления, спекуляция. Правительству народного фронта досталось впоследствии один голые планы выставки, да и те требовали коренной переработки. К примеру укажем, что для выставочной территории отвели несоизмеримо мало места и поместили ее чуть ли не в самом центре Парижа, так что и расширить ее было невозможно. Идейное направление выставки было твердо намечено... в сторону безыдейности, превращения ее в гигантскую рекламу крупным капиталистическим предпринятиям.

Правительство народного фронта, руководимое социалистами, поддерживаемое компартией и ведущее за собой все прогрессивные элементы страны, рассматривало выставку прежде всего как демонстрацию солидарности народов в борьбе за мир, демонстрацию достижений человеческого гения в области

науки и искусства. Поэтому выставка стала настоящим полем битвы между народным фронтом и фронтом реакции, где каждый участок должен был быть завоеван и удержан.

Реакционные элементы прибегали к обычным для них методам вредительства и саботажа. Планы задерживались на недели и месяцы, беспричинно менялись строительные участки, фирмы срывали сроки заказов, отказывали в кредитах. На этих участках искусственно создавались такие тяжёлые условия работы, что рабочие несколько раз вынуждены были прибегнуть к стачке. Все это время реакционная и фашистская пресса безудержно клеветала на строителей выставки, самоотверженно преодолевавших все трудности.

До самого открытия продолжались вакханалии вредительства и попытки сорвать выставку. Но рабочие, профсоюзы, партии народного фронта отвечали на это ещё более энергичной работой. Под лозунгом «Выставку необходимо выиграть, как выигрывают битву» строители победили, создав чудо современной техники — Парижскую выставку 1937 года.

Правда, открытие выставки откладывалось два раза, и не все павильоны были закончены ко дню открытия. Но это несколько не омрачило торжества ее строителей и посетителей, заполнивших огромную площадь выставки...

* * *

Площадь выставки простирается от нового здания дворца Трокадеро, за которым высится стройная, обитая зеленью Башня мира, до берега Сены и дальше, по другую сторону Сены, от Эйфелевой башни до Военной школы. На этой территории расположены иностранные павильоны: советский, норвежский, испанский, великобританский, итальянский, германский и др.; французские павильоны, посвященные печати, рекламе, кино, театру; тут же бассейны, фонтаны, цветники...

Главная площадь выставки и мост через Сену.

Вдали виднеется советский павильон.

Вальс берега Сены выстроились павильоны десятков государств... Справа — подножие Эйфелевой башни.

Одна из главных задач выставки — показать достижения современной науки и техники. Центральный павильон этого раздела — гигантский «павильон изобретений», не все залы которого вполне закончены еще и сейчас. У самого входа в этот павильон посетитель видит висящую в мире электростатическую машину, заряженную электрическим током в 5 миллионов вольт. Тут же сделанная из стекла модель человека, дающая возможность видеть

Другие, изобретенные жарой, могут изобрести и на башне «Аврора» ледя и отстыть под хлопьями настоящего снега, безотказно падающего в юлах. Тут же можно ознакомиться с историей развития холодильников и познакомиться с фруктами, содержащими в холодильнике всю свою сочность, свежесть и вкус.

Особый интерес представляет павильон, посвященный радио. По обеим сторонам огромного зала расположены студии разных размеров: для симфонического оркестра, камерной музыки, солиста, актера и т. д. Все эти студии отделены от зала стенами из стекла, так что посетители видят, что происходит внутри.

На верхнем этаже расположены последние модели радиоприемников и машин, в оборудовании которых радио стало неотъемлемой частью: в числе прочего здесь паромы, самолеты и немецкие машины.

Этот павильон играет огромную роль в жизни выставки, ибо он разбит во все концы огромной территории новостной и музыки. Отсюда во время так называемых воздушных баделов — пиротехнически-музыкальных феерий — разнесутся звуки оркестров, в то время как с самолетов будут падать звезды и разноцветные пламя. Лучшие композиторы Запада привлечены к созданию музыки, под звуки которой мощные потоки воды, направленные в небо и на Сену, будут менять свою окраску, превращая Эйфелеву башню то в причудливый, сплетенный из разноцветного металлического кружева, то в гeyзер, изрыгающий феерические невиданные красоты, то в уходящую в небо струю, окутанную свечу.

Мощные прожекторы превратят нижнюю часть Эйфелевой башни в гигантскую лампу, освещающую Сену и всю центральную часть выставки — дворец Трокадеро и иностранные павильоны.

Почти все иностранные павильоны были закончены вовремя и открылись в назначенный для них день. И сразу же стала явной обидя для них всех черта. Все они, кроме советского, о котором речь впереди, и испанского, еще и законченного, поражают полным отсутствием экспонатов, затрагивающих экономические, политические и социальные вопросы крупного типа. Исключением можно было бы считать павильон Италии, если бы это нагромождение и лишнее восславление «итальянской империи» не скрывало за собой неоправданное напряжение народа, вовлеченного фашистами в рискованные авантюры и в жестокую нужду. Не довольствуясь фотографичными захваченными территориями, включающими и Абиссинию, Италия выставляла выставленную карту итальянской Эфиопии, залитой кровью женщин и детей, сожженной бомбами итальянских летчиков. Во всем остальном Италия пошла по стопам других капиталистических держав: наряду с показом товаров местного производства — фарфоровых мебели, текстиля — она препарирует свой павильон в рекламу для привлечения туристов.

Хозяева давящего, мрачного немецкого павильона, явно напичканного торжественным, святым озвученным валютным криком в стране, чтобы рисковать показом своих «достижений».

Внутри германский павильон производит впечатление огромного универмага. Все в нем рассчитано на покупателя, на экспорт, на вывезение валюты: вот наши машины, фотоаппараты, гоночные автомобили, развивающие скорость в 350 километров в час. Зайдите, покупайте, нам нужна валюта! А вы, туристы, поглядите на наши дороги и отелы, наши виллы в горах и долинах. Пожалуйста, тратьте деньги: нам нужна валюта! Зайдите в ресторан на крыше нашего павильона (вид на Сену, вид на дружелюбный итальянский павильон, а вид на советский — не бесконечен!). Вид на советский тщательно

загорожен специальным экраном...). Еще не превозмолившие немские блага, неистовые единственные в мире пиво, не жалейте валюты! Мы ее перелебим в пушки и самолеты, в бомбы для женщин и детей Германии, для матерей и стариков Ламарини, для насения «Аврора». Таков язык фашистского павильона.

Но если строители германского павильона с особой осторожностью избегали показа жизни своей страны, придаленной сапогом фашистского режима, то события, связанные с постройкой этого павильона, сами по себе достаточно ярко выявили зверские истоки фашизма. Павильон был построен немецкими рабочими, вывезенными из Германии под коварством, сопровождавших их в течение всего времени стройки. Жили немецкие рабочие не в Париже, а в походном конлагере, расположенном на территории выставки, из которого их нигде не выпускали, даже на прогулку. И все-таки Париж полон садов о счастливой немецких рабочих, которым удалось удрать от стражи и уехать в Испанию для вступления в ряды республиканской армии. И все-таки что ли не жалко устроило в здании немецкого павильона развевавшаяся красный флаг с серпом и молотом, а на стенах его появлялись лозунги борьбы против фашизма, борьбы за освобождение Гельманд.

Ни один из павильонов капиталистических государств не уклонился от неписанного закона о замалчивании проблем социального порядка. Не является исключением ни замечательно оборудованный бельгийский павильон, благоухающий цветами и привлекающий особое внимание коврами, на которых искусно спонсированы картины средневековых мастеров, ни, опятно, со вкусом обставленные павильонами Дании, Швейцарии, Норвегии.

Единственным павильоном, в котором отражается вся жизнь стран, все народонаселение деятельности ее граждан, — советский павильон. Организаторам и строителям его удалось отразить величие советской земли, ее победы и достижения, ее рост и перспективы. Советский павильон в отличие от других полнотелетный, всегда переполняющий его залы. И потому ведут они себя здесь иначе. Нет разлуки, характерной в отношении к другим павильонам. Его заменяет взаимовыгодная, которая находит свое выражение в восторженных записках, вносимых в книгу советского павильона: «Чисто и слава строителям социализма, горячим защитникам международного мира», «Очарован всем виденным!», «Восхищен вашим величием!», «Советская Россия спасет человечество от угнетения капитализма!», «Катастрофические акты горючие Советским союзом». Эти записки, сделанные почти на всех языках мира, можно привести без конца.

Мощная и вместе с тем легкая скульптурная группа рабочего и колхозника, возглавля-

Вечерами выставка являла потоками света

процесс, происходящий внутри человеческого организма: биение сердца, кровообращение, сокращения кишечника.

В зале оптики ослепляет гигантская ракета, сотканная из проекционных лучей, переливающаяся на 600 тысячах стеклянных чашечек.

Понемногу хождение в отделе оптических приборов, где зеркала удаляют, укорачивают, суживают и расширяют лица и фигуры посетителей.

В зале, посвященном изобретениям в области электропривода, глаз привлекает интересное панно, на котором художник-француз, вдохновленный успехами радио, изобразил героическую челоушескую эпопею. Под панно подписи: «Эпикал «Челоушеская», затерянный во алах Арктики, был спасен благодаря учам Герда». В центре панно — портрет Сталина, рукопожатий спасенных отважных советских полярников; полярники на ледяне изображены в кинжиги челоушеского павно.

В отделе астрономии знакомиться с гигантской фотографией Млечного пути, длиной в 20 метров и шириной в 4,5 метра. На изготовление ее ушло шесть месяцев.

«В планетном зале», — пишет директор парижской обсерватории Эсканланг во французской газете «Святок», — ряд вращающихся глобусов изображает планеты солнечной системы в масштабе 1:100 млн. Самая большая планета — Юпитер — имеет диаметр в 1 метр 55 сантиметров, а самая малюсенькая — Меркурий — представляла крошечным глобусом, диаметром в четыре сантиметра.

При составлении макета Земли были использованы данные, собранные во время полетов в стратосфере. Рядом с макетом две фотографии Земли, сделанные с высот 32 километров во время полетов в стратосфере».

Посетители, имеющие привилегии к полевой жизни, могут надеть волосяные костюмы, спуститься в глубины бассейна, побороть по воде и даже позавтракать под водой.

Десятки тысяч людей осматривают советский павильон. Особую жизнь посетители в отделе авиации Арктики.

ляющая советский павильон, с первого момента входит в стиль павильона. Один французский писатель заметил, что советское искусство динамично по форме и реалистично по содержанию. Это счастливое сочетание и придает столько сил и жизнеспособности красоте скульптуры Мухомой, как бы устремленной в будущее, придает столько действительности и убедительности продуманно экспонированным материалам во всех залах павильона.

Первый зал посвящен Сталинской Конституции. Он залит светом, и в центре его значащим статуей Конституции на обелиске из порфира. На стене, слева, висит огромная карта СССР, составленная из редчайших кусков мрамора, усиленная самоцветами, сверкающая драгоценными камнями. Молодая гражданка Советской страны, комсомолец, объясняет (по-французски) группам посетителей детали карты, метод ее составления.

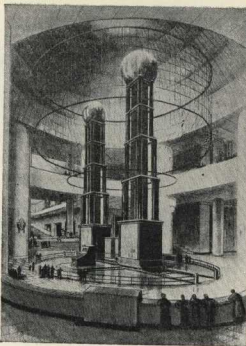
На стенах первого зала фото и диаграммы, плакат, рассказывающие о достижениях советской промышленности и сельского хозяйства. А по углам расставлены реальные доказательства этих достижений: трактор «ЗИС-101» и «М-1», «Бетонер».

Второй зал посвящен культурной жизни страны. Мы видим экспонаты за научной работой и детей на школьной скамье. Мы знакомимся с научными институтами СССР (в старой России их было 20, в СССР—839), где смешение дерзавия гениальных мыслителей превращается в явь перед нами книги на языках народов Союза, часть которых не имели до революции своей письменности: бес-

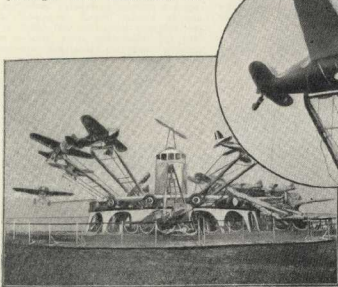
численная армия советского студенчества представлена на фото и диаграммах. Становится ясно, что СССР—это страна-школа, страна, заимствовавшая все лучшее в мировой культуре для создания новых культурных ценностей.

Впрочем, об этом свидетельствует не только данный зал. Вот следующий, посвященный искусству, где собраны образцы социалистического реализма, составляющего стиль искусства Страны советов. Грандиозные полотна, посвященные гражданской войне. Грозные массы рабочих. Монументальная и такая роковая фигура Ленина. Потрясающие силой и искренностью лица партизана. Резьба безмятежных художников по кости. Скульптура. Макеты театральных постановок. Все это дышит свежестю и силой вдохновенного творчества.

Покорение Арктики, ее безбрежных ледяных пространств, столь хорошо знакомых бесстрашным советским летчикам, отражено в экспонатах четвертого зала. Теперь, когда на полюсе замужен красный флаг с серпом и молотом, этот зал привлекает к себе наибольшее количество посетителей. Тут скульптурное изображение летчиков—Героев Советского союза,—модели советских самолетов, макеты ледоколов.

В «Павильоне изобретений» — величайшая в мире электротехническая выставка.

К усилиям посетителей выставки многочисленные остроумные аттракционы. На фото: ананасурельс.

В последнем зале, посвященном промышленности и транспорту, модели паровозов и вагонов, фотографии железнодородных, смущенных под руководством А. М. Кагановича динуть вперед советский железнодородный транспорт: макеты Кузнецкостро, Дворца советов, канала Волга—Москва, реконструкции Москвы и других городов Союза.

С восторгом в конце павильона смотрят на грандиозную картину побед и достижений Советской страны товарищ Сталин (работа скульптора Меркурова), а за ним на огромнейшем, прекрасном выполненном художником Дейнекой панно—первомайское шествие народов СССР.

Когда галдящих на лица посетителей, исполненные любви и уважения к ослепительному народу, создающему будущее человечества, видишь, что чувства миллионов народных масс выражены в кинте отзвуков двое французских рабочих, написавших следующее: «Выражаем надежду, что свободный и справедливейший режим Советского союза распространится на весь земной шар!»

Р. МАГИДОВ

Я крикнула:

— Он не повесился, вы убили его!

Шталькофф ответил мне:

— Прощай Мюза, не взымайте лину за убийство на штурмовиков: кто сделал окранный...

Он отошел от меня как трусавый пещ. Я пошла на полицейский пост в Ораниенбурге и добилась того, что на Берлина было дано по телефону разрешение открыть гроб.

Гроб открыли. Перело мной лежал мой муж. Лицо его было бледно, но совершенно спокойно. На щеке темная полоска—след веревки. Одна ладонь была обращена вперед, как бы для защиты.

Мюза всегда уверяла меня:

— Что бы ни случилось, не верь, что я кончина с собой.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ

Он не покинул с собой. Я привел здесь несколько выдержек из целого ряда сообщений тех, кто сидели в лагере вместе с Мюзом.

Англический гражданин Джон Стоун, живший 35 лет в Германии, пишет: «9 июля, после того как лагерь перешел в руки охранников, был убит известный поэт и писатель Эрик Мюза. Судьба этого высокообразованного человека—на-

СМЕРТЬ МЮЗМА

(Окончание. См. стр. 15).

стоящая цепь пыток, которые потрясли бы человечество, если бы все они были предельно гласности. Этот человек был одним из лучших и благороднейших людей, которых я когда-либо встречал. Он знал, что не выйдет живым из концентрационного лагеря, но держался с беспримерной силой воли и твердо сопротивлялся желанию кончить с собой. В один из последних вечеров его жизни он сказал мне: — Если вы услышите, что я покинул с собой, не верьте!

Другой бывший заключенный сообщает: «9 июля, после обеда, Мюза вызвал к себе начальника охранного отряда Эрат. Он сказал ему:

— Мюза, сколько времени вы еще думаете бегать по свету? Если вы сами не повеситесь, мы вам поможем.

Вернувшись Мюза рассказывал это нам. Он прибавил:

— Этого одолевания я ни все же не сделал. Я не думаю стать палачом самого себя.

Когда нас отравили спать, Мюза заставил продолжать работу. Все заключенные, даже те, на обязанности которых лежала уборка

камер и которые отправлялись обычно спать часом позже, были заняты в свои камеры. На вечерней переключке мы дожили Петшу, по прозвищу «Удар с неба», о том, что Мюза отсутствует. На это он ответил:

— Хорошо.

На следующее утро Петштер спросил:

— Где Мюза?

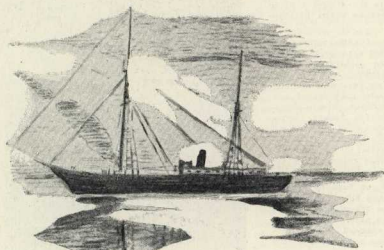
Так как никто ему не ответил, он сказал шутливо:

— Ну, если он здесь нет, значит, он слок.

В уборной мы увидели труп Мюзы. Всем нам было ясно, что повесился уже мертвое тело. Лицо мертвеца было спокойно, язык не свисал, рот был закрыт. Глаза не вылезали из орбит, как у висельников.

Поскольку мы могли заметить, на теле не было никаких следов новых изтязаний и ран. Березка была выжжена очень сильно—такую убитого не мог сделать немужай Мюза. Мы убеждались, что Мюза усмирил в помещении упрямства и затем убил, вырвав из яд. Труп, вероятно, перенесли через дверь в уборную и там повесили. Охранники сами сняли тело. Комиссия создана не было.

16 июня 1934 года, в половине первого, Эрик Мюза был погребен на кладбище Дале. В тот же день я перешла немецкую границу.

На маленьком парусном судне «Святой Фока» пытался Седов прорваться к полюсу.

Открытое скудое лицо выдавало в этом офицере выходца из народа.

Седов был в полубессознательном состоянии. Его везли привязанным поверх саней в спальном мешке.

Н. ПИНЕГИН

ДВЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Осенью 1909 года газеты всего мира по-местной телеграммой из Америки об открытии Северного полюса.

Первое известие пришло от полярного исследователя Фредерика Кука. Он объявил, что дошел до полюса с Землей Эдлессера на собаках еще весной 1908 года, но не мог будто бы послать известие о своем успехе: у Кука не хватало сил дойти до северных эскимосских поселений, он бежал в течение года на одном из островов Североамериканского архипелага.

Весть о новой победе человека над природой была принята с энтузиазмом. На Кука посылались почести: его принимали короли и президенты, ученые общества награждали медалями, театральные импресарио непрерывно предлагали огромные деньги за прочтение лек-

ций и газеты печатали пространные подробности приключений Кука в стране льдов. В разгар торжества Кука пришла новая телеграмма: о достижении полюса сообщила другая престижная путешествиями и двухкратными попытками достичь полюса. Третья попытка увенчалась успехом: Пири дошел до полюса 6 апреля 1909 года.

Пири сразу же заявил, что Кук на полюсе не был. Кук не остался в долгу. Допуская возможность достижения полюса своим соотечественником, он с торжеством доказывал, что Пири не имеет права претендовать на «открытие» полюса, потому что полюс был посещен им, Куком, ровно за год до Пири. Между двумя путешественниками разгорелась скандальная перебранка на страницах газет. Оба не скуп-

лись на обвинения в обмане и мошенничестве. Географический интерес путешествий Кука и Пири совсем потонул в потоках грязных разоблачений.

Спор между Пири и Куком рассмотрела в конце концов комиссия ученых. Она признала достижения Пири, который, несомненно, был если не на самой точке полюса, то неподалеку от него. О Куке комиссия высказалась с осторожностью. Отказавшись подтвердить выдвинутое Пири обвинение Кука в подделке или сознательном искажении дневника, комиссия указала, что Кук, определяя положение полюса на глаз, не может утверждать, что он дошел до «вершины мира». Биоследствие путешественника Мак Мэки, опросив эскимосов, сообщавших Куку, выяснила, что он не отходил далеко от земли. Фотография снежного доми-

Статья «Две экспедиции» написана одним из лучших знатоков Арктики художником Н. Пинегиным. Вместе с лейтенантом Г. Я. Седовым Пинегин в 1912 году участвовал в первой русской экспедиции на Северный полюс.

Пинегин неоднократно бывал в Арктике и является одним из первых исследователей Севера.

В свое время самая блестящего завоевания Северного полюса обладал весь мир, трижды везучий русский Пинегин о жалкой горстке энтузиастов, которые 25 лет назад в обстановке чужбинской тоски неслись своей жизнью к тому, чтобы на старом ледяном судне достигнуть вершины земного шара.

ка с флагом — «лагерь у полюса» — снята была Кухом в 700 километрах от полюса.

Спор о полюсе мало-помалу затих. Но после него остались некоторые неясности. Все-таки напрашивался вопрос: а был ли и Пири на самом полюсе? Но... кто мог проверить наблюдения Пири?

Такой человек ссыкался три года спустя. В 1912 году почти никому неизвестный офицер русского флота Г. Я. Седов объявил о своем намерении отправиться к Северному полюсу. Этого морская знала только в узком кругу русских географов и гидрографов, изучавших северные моря. У многих родилась естественная мысль: да по плечу ли себе браться залучу этот человек? Ведь в попытках достижения полюсов терпели поражения такие люди, как Нансен и Шкэлтон!

Однако среди людей, знавших Седова близко, таких вопросов не возникло. За спиною этого человека были годы напряженной работы на Севере и две самостоятельных, блестяще проведенных экспедиции.

Мне повсчастливилось хорошо знать Седова. Человек этот обладал способностью быстро знакомиться и привязаться к себе людей. Открытое, скуповатое лицо выдавало в этом офицере выходца из народа. Лицо это было описано блеском глубоко сидящих в орбитах умных глаз и восторженной улыбкой, обнажавшей крепкие сверкающие зубы. Вся жизнь еще молодого, 35-летнего морская свидетельствовала об его исключительных личных качествах, талантливости и изумительной силе воли. Среди офицеров флота Седов, происходивший из крестьян, был «белой вороной». В четырнадцать лет он был неграмотным, а в восемнадцать стоял еще за прилавком бакалейной лавочки в деревне. Как Ломоносов, Седов тайком убегал учиться и сумел без поддержки окончить мореходные классы, стать капитаном. Не удовлетворившись дипломом водителя морских судов, он продолжал учиться. В промучках между морскими экзаменами и свободным дном он сидел за книгами. В конце концов он добился разрешения сдать экзамены за курс Морского корпуса. Таким необычным путем сын бедного азовского рыбака стал морским офицером.

Седов поступил не в строй, но в Гидрографическое управление и был назначен работать в экспедицию Северного Ледовитого океана. Он быстро выдвинулся благодаря своей смекалке, находчивости и работоспособности. Но Седов не замыкался в узкой специальности геодезиста-топографа. Он много читал о Севере и скоро сделался горячим приверженцем изучения Арктики. В 1903 году он присутствовал в Архангельске при отправлении роскошно снаряженной американской экспедиции Циглера — Финала к Северному полюсу. Она вела с собой сотни собак, десятки лошадей и машин. В багаже экспедиции не было только опыта и умения работать в Арктике. Вероятно, тогда в

голове скромного «поручика по адмиралтейству» и стала созревать мысль: «А почему бы русским, зорким знакомым с Севером, привычным к работе на холоде и умевшим довольствоваться малым, не создать подобно то предприятию, не попытаться достичь Северного полюса?»

Успех Пири на некоторое время заглушил мечтания молодого гидрографа. Но в декабре, когда Кух был разоблачен и выяснилось, что астрономические наблюдения Пири, сделанные на полюсе, очень далеки от точности, Седов твердо решил отправиться на полюс. В марте 1912 года он выхлопотал годичный отпуск с военной службы и опубликовал свой план достижения полюса.

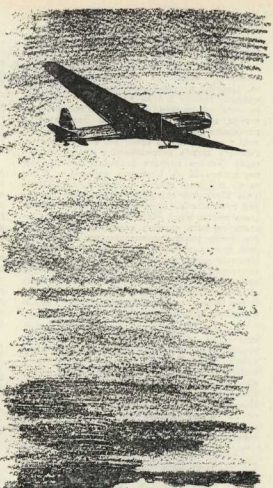
Седов считал, что завоевание полюса должно быть всенародным делом. Он был уверен, что мысль об овладении полюсом встретит в России горячий отклик как дело, касающееся «чести страны» и «народной гордости». В себе Седов не сомневался: он чувствовал собственные силы, способности и подготовку для этого дела. До сих пор ему в жизни удавалось все. Не он ли из темноты, рабства и бедности выбыл «в люди» — стал образованным гидрографом и ученым? Путешествие хорошо продумано. Конечно, много опасностей, риска. Но разве их не было в прежних путешествиях? Разве не ждал он на ходу, не пытаясь целый год одним хлебом, когда готовился в мореходные классы?

Обращаясь с призывом помочь ему в достижении полюса, Седов не мечтал богато снарядить будущую экспедицию.

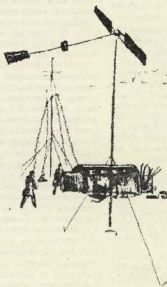
Почти в встречах Седова в 1912 году. Он был радостно возбужден.

— Ура, решено. Идем к полюсу. Я прошу всего 50 тысяч. Нам не нужно консервированных рыбчиков и лососин, обойдемся архангельской тресочкой. Пригласию вас первого, только имейте в виду — без полюса мы не вернемся.

Он не сомневался, что 50 тысяч можно собрать в России хотя бы путем пожертвований. В России тогостосум-купцы жертвовали на построение церквей и на монастыри десятки

Полюс покорили большевистская воля и большевистская техника. Большая северная экспедиция явилась блестящим успехом. Во главе экспедиции стоял сталинский полтавец, Герой Советского союза, большевик О. Ю. Шмидт.

(Из истории мирового шпионажа)

Ю. ШЕР

Карл Штибер — отец современного германского шпионажа — может по праву гордиться двумя выигранными при его помощи войнами.

Уголовный преступник, он начал свои деятельства и засаду на первого президента США, посадившего не существовавшего «коммунистического заговорщика» 1848 года, борьбы с рабочим движением.

Во время самой короткой войны пропало государство — австро-прусская война 1866 года — впервые испробовал Штибер созданную им систему шпионажа. Три тысячи шпионов Штибера, наводнивших Австрию, успешно проломали путь прусской армии. Через четыре года, во время франко-прусской войны, уже 35 тысяч шпионов были посланы в неприятельскую страну и обеспечен приход Бисмарка в Версаль. В июльском пункте прусской армии лежал лагерь Штибера.

Штибер был верным слугой Бисмарка. Он был предан «железному канцлеру», насколько может быть предан шпион. «Что это король шпионов!» — сказал о нем Бисмарк. И он был искренен, так как цена Штибера больше чем кого-либо другого. «Железный канцлер» многим обязан всемогущему главе германской разведки, ибо если он мог после франко-прусской войны диктовать Франции условия мира, то в значительной степени благодаря Штиберу и его шпионам.

Штибер создал огромную машину германской разведки. При нем появились знаменитые брюссельский, лордский, ливенский, базельский агентурные центры.

Штибер не только руководил своими шпионами, но не брезговал шпионской работой и сам. Он стал камердинером французского министра иностранных дел Жюль Фавра, когда тот вел мирные переговоры с Бисмарком. Штибер поселился Фавра в доме, где все было сделано, от хозяйства до садоводства, было германскими шпионами. Он лично являлся в документ Фавра и способствовал удушению условий мира для Франции.

Короля шпионов начал готовить путь германского вторжения во Францию в начале 1867 года. Одним из первых его действий была засада шпионов-резидентов, т. е. живущих на вражеской территории, численность которых определялась им сначала в 12—13 тысяч человек, а двумя годами позднее — в 30—35 тысяч. Как в первой, так и во второй партии преобладали женщины. В 14 восточных департаментах Франции были расселены несколько тысяч прислуги и экономки в семьях армейских командиров.

В Берлине не унимались, когда один из бывших помощников Штибера — Кальтенбах — затребовал 46 молодых и обязательно хороших прусских для обслуживания военных буфетов гарнизонов района Метца. «Это будут драгоценные указчики», — писал Кальтенбах — «которые разведке контрразведки смогут посещать под видом близких родственников».

Шпионаж через женскую прислугу и резидентов, занимающихся мелкой торговлей, не прекращался и после франко-прусской войны. Сеть, созданная Штибером, становилась все более разветвленной. Работа агента «Zud-160», ликвидировавшего французскую контрразведку осенью 1916 года, дает представление о масштабах деятельности германских шпионов. Агент «Zud-160» была швейцарской гражданкой, служившей экономкой во французской семье. За 1916 год она отлучалась из Парижа три раза, а кроме того дважды посещала сына, служившего в действующей французской армии, чем и вызвала подозрения окружающих. Ее

застали в то момент, когда она готовилась выехать за границу. После обыска, обнаружившего доклад на немецком языке, сделанный тайнописью, «Zud-160» призналась, что прислала к агентурному центру в Лорре (Швейцария), которому и передала несколько сведений о передвижениях войск.

Германская разведка всегда отдавала агентурную работу от «индивидуальных» заданий. В последнем случае шпион тратил один-два и больше месяцев на обработку одной заданной намеченной жертвы. Характерным примером является дело французского лейтенанта морской службы Уэльмо.

В 1905 году Уэльмо, окончивший морскую академию, был назначен на корабль, планами которого весьма интересовался германская разведка. Почти одновременно началось его знакомство с некоей Лизон, появившейся незадолго до этого в Тулоне. Вскоре он вступил с ней в связь. Лизон становилась все более требовательной, жаловалась и других доходов Уэльмо не хватало, а курение опумка, к которому Лизон привыкла его, сделало из Уэльмо безвольную тряпку. В начале 1908 года лизонские статусы Уэльмо ухудшились, если он не даст денег. Уэльмо был уже командиром корабля. Подготовив почву, Лизон свела его с агентом немецкой разведки, который пообещал ему за определенное количество мильон франков. Контрразведка наярив Уэльмо с полчищем. Провалился и агент, а улизнувшая Лизон на открытых заседаниях немецкого трибунала, судившего Уэльмо, уже «обратившаяся» другого офицера.

Оказно Лизон далеко до таких как германского шпионажа, как Мария Каула, Мария Тальони и Мата Хари.

Одной из главных целей германской военной разведки было проникновение в генеральные штабы и военные министерства противника. Немцам не могли повзвастать тем, что имели шпиона, подобно сотрудничавшей английской Интеллигенции сервис «ДН-27», который был показателем германского штаба. Это известно, что два французских военных министра имели любовниц — германских шпионов.

Мария Каула прибыла в Париж вскоре после окончания войны 1870 года. Она имела за собой статус любовницы военного министра и перала де Сиса. Эффектная внешность, определенная спорная шпионка облегчала выполнение плана. Де Сиса часто бывала у Каулы. Его портфель, где Сиса находилось секретные документы, подвергался тщательному осмотру шпионов, помогавших Каула под видом ласек и курчов.

Вскоре де Сиса потеряла для Каулы интерес, так как лишилась министерского портфеля. Она заменила его полковником Юном, одним из наиболее деятельных руководителей французской контрразведки. Каула стала женой Юнга. Вскоре, однако, Каула была разоблачена самими Юном, который не в пример многим другим имел достаточную силу воли, чтобы разрываться с врагом.

Наибольшую известность во время мировой войны приобрела Мата Хари, которая была одной из самых ловких агентов немецкой разведки.

Маргарита-Гертруда Мак Леод появилась в Европе за несколько лет до войны. Вскоре она приобрела довольно широкую известность в мирных кругах как и кинематограф, так и журналист, в качестве танцовщицы под псевдонимом Мата Хари. Свахи ее менялись с поразительной быстротой.

— Я признаю только военных, — говорила Мата Хари, — из штатских же — только крупных политических деятелей и дипломатов.

Была известна ее связь с кронпринцем и рядом других родственников кайзера. Во Франции ее жертвами стали военный министр Мессими, несколько ответственных чиновников военного министерства и министерства иностранных дел. О связях Мата Хари с германской разведкой догадывались, но доказательств не было. Завербованная берлинским агентурным центром и подчинявшаяся непосредственно начальнику военной разведки, Мата Хари работала очень осторожно.

Так была она с 1913 до 1916 года — невестою. В Париже Мата Хари появилась в середине 1916 года. Тщательные наблюдения контрразведывательных органов не дали никаких результатов. Правда, Мата Хари часто бывала в посольстве некоего «швейцарского державы».

Лишь в ноябре удалось установить, что деньги Мата Хари получает из Гаги от Анлари, которого французская контрразведка знала как организатора немцев в военное время. Мата Хари пыталась скрыться, но неудачно. Тогда она обратилась к одному из руководителей французской разведки, капитану Лоду, с предложением своих услуг. Ее услуги приняла и Мата Хари направилась с заданием в Германию. Ей рекомендовали ехать через Мадрид, что совсем не устраивало шпионку и очень устривало Лоду. Шифр мадридского агентурного центра немецкой разведки был известен французам. В день явки Мата Хари к руководителю центра фон Крену радостности капитана Лоду передала разговор между Мадридом и Берлином, который позволил выявить Мата Хари факты. По возвращении в Париж шпионка была арестована.

На судебном следствии она показала, что передала в Берлин ряд важнейших документов о состоянии английских и французских войсковых соединений на западном фронте, а также планы знаменитого наступления союзников весной 1917 года. Все материалы Мата Хари получала от своих любовников. Одни из членов военного трибунала утверждали, что деятельност шпионки обошлась французскому народу в 50 тысяч жизней. Вероятно, столь же дорого стоила Мата Хари и русскому и английскому народам, поскольку мы знаем, что связь ее с русскими и английскими офицерами в 1916 году была весьма многочисленна.

* *

Основной принцип германской разведки — «Левая правая рука не знает, что делает левая». Для германских агентов, работая бою, могут не знать, что делают одному шпиону. Если он провалится, то выпадет звено, но вся цепь сохранится. Система Штибера тем и опасна, что она предполагает проникновение агентов во все поры общественной жизни страны, против которой Германия готовит войну.

Берлинская разведка стремится завербовать агентов среди местного населения. Методы вербовки агентов разнообразны. Он сводит к нулю ему человеком, он старается выманить слабые стороны своей жертвы. Нуждающиеся в деньгах вербовщик предлагает займы, любовные ласки и кинематографические женщины. Широко распространены методы шантажа в отношении тех лиц, чья жизнь или служебные отношения которых запутаны или сомнительны.

Перед мировой войной в ходу были газетные объявления такого содержания:

«15 тысяч рублей побочного дохода без капитала могут заработать офицеры и все те, кто вырастает в заснеженных куртках и сапогах в качестве представителей одной заграничной художественной фирмы».

400 девушек и вдов с призывом до 800 тысяч марок желают выйти замуж. Женщины могут жить и без средств. Шлагенберг, Берлин, 18».

Широко распространялся и такой метод. В газете появлялся объявление: «Вашему посланному сумму за широко распространенный военный учебник. Через некоторое время людям, продавшим учебник, предлагалось сыграть другие книги, такие не имеющие особой ценности. Затем в преддверии распродажи вербовщик с угрозою выдвигал их властям за связь с шпионами и продажу им книг, в которых были якобы зашифрованы шпионские сообщения. Шпион предлагал «похоронить» себя, если ему, вербовщику, жертва предаст «неотъемлемые общественные сведения».

Несколько следующих случаев хорошо иллюстрируют методы вербовки. В разгар мировой войны большинство агентов, продававших во Франции, сильно переболело. Агентами были в Базеле, Барселоне, Лорхае и Милане приглашены все свои усилия, чтобы забраться в Париж и в трифурковом состоянии попросить шпионов. Особенно усердствовал барселонский агент, руководимый германским военным аташе в Мадриде фон Креном. Вербовщик установил надзор за всеми отъезжающими в Париж и посылал их, не считаясь с деньгами.

Ониа Густава Михалсона удалось «присобласть» к делу очень скоро. Инженер, окончивший высшее учебное заведение в Лейпциге, Михалсон служил в русской армии, откуда был выгнан за открытую пропаганду пангерманизма. Долгие годы Михалсон сложился по странам Южной Америки, где занимался гравировкой делами. Естественно, что, когда в 1916 году он начался в Берлине, вербовщику германской разведки не пришлось потратить много времени на уговоры. Через две недели Михалсон был уже на самолето-строительном заводе Ангелс в Париже, в качестве монтера-сборщика. А еще через месяц в Барселону попадали открытки с самым невнятным текстом.

Еще отговорки прощали благополучно. Текст показавшей почтовой цензуре подпольщицы. И, действительно, за невнятным текстом скрывалась схема... крылатые летные бомбардировщики.

К промышленному шпионажу вскоре присоединились сведения о передвижении войск и о численности союзнической авиации на различных участках. Арестованный Михалсон очень быстро создался. Судебный процесс и военный трибунал не заставил себя долго ждать.

Менееский центр практиковал новую систему. Он вербовал агентов в стране противника, а затем в Англию и Францию своих вербовщиков. Такого вербовщика звали Альфонс-Викторский химик Вальде, называвший во Францию не менее шести раз в год. Он торговал фармацевтическими товарами, а заодно вербовал шпионов и собирал данные о подпольщиках и агентах. В конце августа 1916 года Вальде появился в Париже, нашел нужных ему людей, предложил им стать шпионами и уехал. Вернувшись в октябрь, он собрал последние агентские донесения, зашифровал их, затем, заклеив листок бумаги в ручку от британской кисточки, отправил обычной почтовой посылкой вместе с другими предметами хозяйственного обихода в Швейцарию. Другим путем он приступил к практическому обучению новичков.

Это было, очевидно, исключительно опытный вербовщик и шпион. Несмотря на слежку за ним французской контрразведкой не удалось добыть каких-либо уличающих или вещественных доказательств. Лишь в последнюю минуту, когда предательские сведения были уже закончены, благодаря бдительности почтового надзора удалось обнаружить посылку с британской кисточкой. Вальде вертелся как укол. На каждом допросе он отказывался от своих предвзятых показаний. За недостатком прямых улик его приговорили к пожизненному ра-

ботным работам. Это был единственный случай, когда германскому шпиону не выписали смертного приговора. В последние два года войны в военном трибунале удалось доказать уже одним косвенным путем, ибо шпионаж становился все более опасным, а шпионы непрерывно совершенствовали свою маскировку.

В Англию основное внимание германской разведки направлялось на флот ее флота. Засей весьма показательны процессы Эрнста (1914 г.). Эрнст потратил 16 лет жизни для шпионской маскировки. Скрытый парикмахер принял английское подданство, приобрел репутацию такого уважаемого человека. В течение 13 лет за Эрнстом не было замечено ничего предоступного. Лишь в 1911 году начался его перипетия с начальником английской секции германской разведки Штейнхорстом. Эрнст рассматривал письма шпионам-резидаментам, надушпывал людей, которых можно было бы завербовать, сообщая о провалах отдельных военных, наконец, собирал сведения и сам через своего знакомого агента и знакомых. Вокруг Эрнста группировались и военный журналист Шульц, предлагавший английским морским офицерам писать статьи об английской морской промышленности, газетчик и журналист, прибывший для «совершенствования в медицине», но отдававший все свое время путешествиям по побережью близости фортов и кутежам «чужимым людям».

Вследствие этого в годинах позже в Англию был арестован доктор Митч, также прибывший для «совершенствования в медицине» и проживавший в городе, где единственным научным учреждением являлся главный санитарный центр британской военной авиации. Когда у Митча сделана оговорка, то напав, что он большой любитель природы, особенно елан этой природы наводил на несперсифическую близость англичан, где хантер и охотник с модами. В технике маскировки Митч недолго ушел от Гревса.

Процессы отдельных шпионов не мешали, однако германской разведке получать заключенные сведения.

Германская разведка строила свою работу на огромном количестве собираемых сведений. Шпионов «полагали» — требовалось присматривать к тем, кто агент лично видел и слышал. «Агентам» работали ниче.

Капитан морской службы Ринтелен, один из наиболее крупных и удачливых разведчиков и диверсантов, technique могучей деятельности в английских и американских разведках, руководящих военную промышленность. Там он выяснял производственную мощь отдельных предприятий, производственную программу и т. д.

Несмотря на то, что война Ринтелен возвращается в Берлин. Первый успех его группы — кража кода американского военного атташе. В августе 1914 года американское общественное мнение было настроено не в пользу Германии. Ринтелен использует украденный код для посланки от имени американского военного атташе в Берлине длинных разгромов в адрес германского командования США и крупнейших шахт. Обман должен остаться не раскрытым, американская пресса невольно служит германской разведке, и лишь весной военного атташе Вашингтон покаялся коварному волеу Ринтелену.

В 1915 году Ринтелен отправляется в США с заданием — любыми методами приостановить отработку бомбителей в адрес Англии, Франции, России. Диверсант организует банду под вывеской экспортно-импортных компаний «Либбонс». Немец-химик изготавливает легкие машины, вымывающие повар. Для установления этих машин на военных транспортах подпадающее большинство которых ходило под английским флагом, была использована национальная рознь ирландцев и англичан. Так как подавляющее большинство доверен в американских портах была ирландцами, задан, стояла перед Ринтеленем, сильно облегчалась.

Одн за другим загорались в море транспорты союзников. В своей конторе в деловом квартале Нью-Йорка диверсант посылался письма в Нью-Йорк. Из Нью-Йорка показало все мало: Ринтелен открыл филиалом своей «фирмы» во всех крупнейших американских портах. Особенно удачной была «русская авантюра». «Либбонс»

добивается крупного заказа от агентов русского военного командования. «Либбонс» грузит осы и горы, сапоги и ботинок. Заказы исполняются досконально. Затем американский разведчик — поучасть за это крупным штрафом. Одн за другим уходят транспорты и неизменно погибают в пути.

Американская контрразведка нападает на самих Ринтелену. Он скрывается, но вскоре появляется в новом виде. Разведчик основывает «Национальный рабочий совет мира», использует патристические настроения американских рабочих и солдат. Ринтелену удается избежать всеобщей забастовки. Ринтелен и его банда рассчитывают сорвать хотя бы на некоторое время полвоз бомбардировок для Англии и Франции.

Ринтелен постоянно нарушал американские законы и каждый раз избегал наказания с помощью хитрости всевозможных размеров, от нескольких ящиков до многих тысяч. Не оставалось ни перед кем удачи со своего пути все тех, кто становился ему инимым, убивая одного, платя за молчание другим, угрожая третьим. Его «деятельность» продолжалась свыше года. Опытный разведчик, он провалился в американской контрразведке в самую элементарную западню. Ринтелен упустил из виду, что секретные коды могут исчезать не только у американских военных, но и у германских, а также у английской колониальной телеграммы в Европу, германский разведчик вскоре оказался за крепкими решетками английской тюрьмы.

В дни бешеной подготовки к войне фашистская разведка проявляет кипучую деятельность.

Недавно была стерта с лица земли военно-промышленная база Тухачевского, Ямля и других, представляющих родину военной разведки одной из стран Европы. В настоящее время, желая поинтересоваться в отношении СССР, фашистские псы и их хозяева, мечтавшие об ослаблении мощи нашей родины, преследовали. Бегущие от фашистской разведки на моральную неустойчивость разведки благодарную почву. В капиталистическом обществе, где все покупается и продается, прощаются и покупаются военные и государственные тайны, тайные фирмы, промышленные объекты и военные заводы, продают свои секреты тому, кто дороже заплатит, не заботясь о национальной принадлежности покупателей. Шпионы и диверсанты не имеют никаких моральных барьеров за власть политических партий, обещаю им поддержку иностранных держав. Государственный аппарат буржуазной страны, преследующий шпионаж, является средством угнетения народных масс и потому не может рассчитывать на их поддержку.

В Стране советов шпион может рассчитывать лишь на помощь осколка разгромленных эксплуататорских классов и на моральную неустойчивость отдельных лиц. Зоркие пограничники задерживают шпиона на наших рубежах, маленькие дети высматривают зашедшего в порог шпиона, перебежчика, шпиона, чуждому, которому все удачи, пробравшись внутрь страны, спасается казнями прожогом, а также советский гражданин задержит его при малейшем подозрении. Органам Наркоммундела, главной советской разведке, помогает выкорчевывать шпионские гнезда все многомиллионное население нашей страны. У шпионов и диверсантов в Стране советов нет опоры, нет почв под ногами. Этих людей, ведущих буржуазную разведку, вырабатывая в разгроме последнего военно-шпионского ядра на нашей территории.

Не капиталистическое окружение ни на минуту не прекращает своей враждебной деятельности по отношению к нашей стране. По найму разведывательных органов буржуазных государств работают зашедшие враги коммунизма — троцкисты-буржуазные шпионы, кризисные, диверсанты, шпионы и убийцы, они нудят на самые чудовищные кровавые преступления ради достижения своей заветной цели — восстановления капитализма в нашей стране. Необходимо помнить, что фашизм не способен выпустить революционную бдительность.

Настоящая бдительность опасна для шпионов не меньше чем чистый воздух для болезнетворных бактерий.

Братья во христе

Монахи у баптистов мало приметны с виду. В деревнях баптистские общины хоронят свои молитвенные дома приютить где-нибудь на высеках, на отбoи; в городах и в рабочих поселках — на окраинах, в одноэтажных хибарках, во фангаллах, — словом, подальше от посторонних взоров.

Столь же незримо и внутренне убого у баптистских молитвенных домов. Стол, несколько рядов скамеек или стульев, бак с водой в колодной двери, шкаф с религиозной литературой и музыкальными инструментами, редко фисгармония или пианино. На стенах висит лишь несколько плакатов, написанных от руки: «Дарство божие — внутри нас», «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас», «Евангелие — наша крепость и т. д. Июгда введем плаката вышнего утешило разрозненных аистов со стро-
гой на сиютовершии».

«Теркой верой в ани ислерв
Божий стан отгородил;
Яд сомнений, маюхеря
До конца ислерили».

Как видим, отчасти баптистских молебен от разноречивых православных и католических храмов разнятся. «Здесь нет ни размашистых иконостасов, ни театрализованных подмостков — амвоны в киаросах, ни прочей сверкающей бутафории. Проповедники у баптистов не рдеются в странные одеяния, как поны в церквях, и не возлагают на испоконное янко неслепые заклания. Театральные службы заменены упрощенными беседами с верующими. Даже музыка, и та утрата у баптистов специфическое церковное звучание.

В обиход введен популярный душещипательные песни совершенно светского характера, вроде романсов «У камин», «Ирипички» и пр. Аппетит слова поборники в этих романсах не разноречивы. Со свойственной им безалаберностью баптисты используют в своей работе даже революционные песни.

Надо признать, что по части тонкого приспособления, знаменитой изворотливости баптисты не знают себе равных в христианстве.

За две тысячи лет христианство порядком износилось и покрывалося заплатами. Эпоха осталась свои салсы на этом «божественном» учении, как геологические зры — на профиле земли. Господствующим классам неперлабывали христианство реально в соответствии со своими интересами.

Соответственно видоизменился и самый облик христа.

«Дарь царей и господа господствующих», небесный монарх-самодержец в короне, порфире и ниссоне, восседающий на золоченом престоле, в окружении «придворных» ангелов, серафимов и иерувимов, — вот тип христа, изображаемый православной церковью или католицизмом.

Совсем иной образ бога проповедничают протестантские церкви. Их христос — это прежде всего «любимый пастырь», покаяющийся и заботливый отец буржуазной семьи. Богослов Гарвардского университета Пибоди учит, что «Иисус был

ажентлименом. Он помогает богатым творить выгодный «бизнес», а бедных учить смиряться со своим положением». Христос — шеф «бизнеса», христос, во фразе и лакированных штатгатах благословляющий биржу, — таков новый облик модернизировавшего, буржуазного бога. Один японский миссионерский журнал опубликовал весьма любопытную молитву христиан — владельцев военных заводов». В этой молитве говорится: «Господи, сделай так, чтобы наша военная промышленность развивалась и преуспевала, чтобы прибавка наша росла с каждым днем. Для того чтобы возникла война, мы не делаем никаких жертв. В войне — счастье. Аминь».

Но «реконструкция» образа христа этим не закончилась.

Баптизм, возникший еще в XVII веке как течение в христианстве, но развивавшийся лишь в прошлом веке, подновил этот образ, подчистил, приподнял.

Баптисты не выдают своего боженьку за «царя царей» или за верховного шефа «бизнеса»; наоборот: баптисты подчеркивают, что христос, де сам был труженником и пролетарием по происхождению (сын плотника), что он был вождем бедноты, и т. д.

Такая новейшая трансформация мифического христа создала септантистам, в том числе и баптизму, известную популярность в тех слоях верующих людей, которые разочаровались в православии или в католицизме, но не распространились с реалией вообще. «Демократический» баптизм принадлежал к нему верующих из числа труженников, которые справедливо видели в официальных церквях грубую полицейскую агентуру. Угнетавшие священников и монахов, открывавшие связь казенной церкви с эксплуататорскими классами вынуждали протест даже со стороны самих верующих и создавали благоприятную почву для развития септантства.

Во второй половине XIX века баптизм получил мировое распространение, главным образом среди мелобуржуазных и отсталых пролетарских слоев в США, Англии, Бельгии, Да-

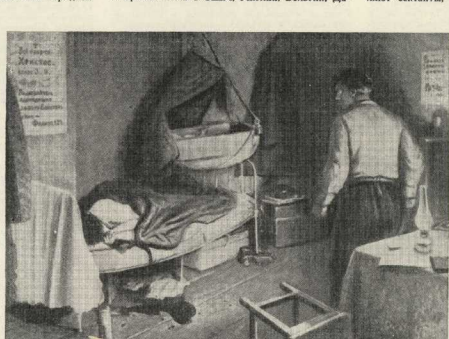
нии. В Америке в 1880 году было 2,6 миллиона баптистов, а к началу XX века число их превысило 8,5 миллиона. Сейчас баптисты занимают в США по количеству общин первенствующее место. В Европе баптистов насчитывается около 2 миллионов. Кроме того баптисты ведут миссионерскую работу в колониальных и полуколониальных странах. Их миссии есть на Цейлоне, в Австралии, Вост. Индии, Илли, Конго, на Филиппинах, в Африке (Нигерия) и в других местах. Объединяются баптисты в свой мировой союз, распологающий азиатскими септантам.

В России в 80-е годы прошлого века возникли баптистские общины 30 губерний, причем городские общины состояли из ремесленников, извозчиков, мелких торговцев и частично из рабочих — текстильщиков, желдорщиков, строителей и др. В 1884 году в одном из сел на Украине состоялся съезд баптистов России и был учрежден «Российский баптистский союз». Этот союз существует до сих пор. Распространен баптизм в центральных районах РСФСР, Поволжье, Сибири, на Украине, Северном Кавказе и Дальнем Востоке.

Основной баптизма является евангельское учение. Отличаясь от евангелия, баптисты заявляют, что они «приняли христа как своего господина и осуществляют в жизни его законы любви». Каковы же эти баптистские законы любви? Баптисты проповедуют любовь к людям без различия их классовых принадлежностей. «Все люди — братья», — утверждают они, — стало быть, и к врагам — обидчикам, насильникам, эксплуататорам — надо относиться любовью, по-братски. Не надо бороться против зла, насильно, эксплуататоры и сажают повороты своей судьбе: «Ерлите, за терение бог даст спасение». Нужда, страдание не являются злом, потому баптизм: они облагоулаживают человека, соединяют его с богом, а в терении — счастье и материальное благополучие отталкивают человека от бога. Чем хуже тебе живется в земном мире, тем лучше тебе будет в мире загробном. «Земные блага — это тень», — заявляют септанты, — для духа нет тени.

Такая проповедь баптистов как нельзя более на руку буржуазному обществу и его правящим классам. Непротивление злу, отказ от классовой борьбы, применение с капиталистическими порядками — весь этот христианский «символ веры» крайне выгоден собственникам и эксплуататорам, так как он разлагает сознание труженика, деморализует его классовую волю и революционную энергию.

Не даром баптизм находится под высоким покровительством крупной буржуазии и капиталистов мира. Во главе Всемирного союза баптистов стоит некой король США оффелер, известный заводчик Генри Форд и Грин, бывший председатель американской федерации труда — предательской реформистской организации. В Англии баптистов возглавляет Лоуи-Джордж, в недавнем прошлом организатор интервенции против нашей родины. К этим

Один из членов секты баптистов в городе Кашинские окрестности своей жене ет то, что она, покаясь в свои грехи и вера религиозных предсказаний, вышла из секты. Этот эпизод изображен на картине художника Печелкина, которую мы воспроизводим.

«братия во христе» относятся и некоторые «еретические капиталисты», вроде баптистов из Чоен-банка. Капиталисты вкладывают в дело пропаганды баптизма огромные средства. Достаточно вспомнить, что в 1926 году, по данным The World's Work, на содержание баптистских миссий в других учреждениях было израсходовано ни много ни мало — миллиард триста миллионов рублей. Капиталисты, как известно, — народ прагматичный и на бесслезное дело себя дело логаного гроша не дадут. Надо думать, что такие щедрые ассигнования «братия во христе» окупают преданностью баптистских проповедников, активной их деятельностью.

Баптисты любят говорить, что они так же, как и революционеры, страдают гонением при царизме. Но септанты преследовались царизмом не за их революционную деятельность, которой они никогда не вели, а как конкурентов господствующей православной церкви. Политически же баптисты были более чем лояльны к царизму. В октябре 1905 года вожди баптистов, испуганные волной революции, выступили в Сенатском собрании с политическим заявлением о поддержке царской власти, о поддержке союза свободы, правды и миролюбия. Это была откровенно монархическая, контрреволюционная программа. Баптисты ходатайствовали перед царем, чтобы тот принял христианские миссии для искупления несправедливых революционных «преступлений». В 1914 году «миролюбивые братья» опубликовали в журнале «Гост» свое заявление о готовности заступиться царя и отступить до победного конца. По случаю объявления войны они устроили, на манер черносотенцев, патристическую манифестацию в Петербурге. Непротивления царю — баптисты участвовали с оружием в руках в империалистической войне. Но зато сразу же после установления советской власти русские баптисты «вспомнили» о своем «непротивленчестве» и заявили, что христос не позволяет им братья за оружие и заставляющий революцию так как, дескать, «поднявший меч от меча и погибнет». Антирусский характер такого баптистского либерализма не нуждается в пояснениях. Надо сказать, что монархическая баббала и японским интересам баптисты во все годы гражданской войны помогал самым активным образом.

В 1923 году в Стокгольме состоялся третий всемирный конгресс баптистов. На этом конгрессе участвовали и русские баптисты. Конгресс обратился ко всем христианам с заявлением о «деklarации баптистских принципов и намерений». Эта декларация — откровенная защита буржуазных общественных отношений.

Особенно интересна раздел декларация, посвященный названию «Христианское отношение к имуществу». Как и подобает матерям притворщикам и лицемерам, баптисты замаскированы настоящим смыслом своего отношения к имуществу всякими елейными словами. Написано: «Частная собственность христианина является собственностью божьей, и распорядиться ею христианин должен по воле божьей». Что следует из этой туманной фразы? Во-первых, что

частная собственность — не только не зло, но, наоборот, благо, освещенное богом, подаренное богом человеку. Каждый фабрикант, купец, кулак пользуется, стало быть, своим именем, фабрикой, товарами как имуществом божьим. Во-вторых, никто, кроме бога, не имеет посягать на частную собственность. Бог по своей милости даровал капиталисту фабрику, помещику — имение. Кто же посягает на это имущество, стремится его отобрать из рук эксплуататора, — тот, дескать, посягает на волю божью, на его промысел и его распоряжение, тот, следовательно, нарушает установленный богом порядок. В Советской стране именная и фабричная отобранные у эксплуататора, став достоянием народа, — стало быть, в Советской стране не нарушен «божий порядок»!

Вот что получается, если распутать хитроумные сектантские сплетни, если сорвать елейную маску с баптистской физиономии! Скрытые разгелатели божьего, то есть, буржуазного, «порядка» стремятся посягнуть на частную собственность, а значит и делают все, чтобы ослабить мощь нашей страны, подорвать благополучие народа и похитить его счастье, добытое в жестокой борьбе с врагами трудящихся.

Баптисты использовали все трудности, даже стихийные бедствия для антисоветской агитации. Они выступали как врагители на заводах и фабриках, как противники колхозного строя и расклевывали общественное достояние. В годы коллективизации баптизм был ололом контрреволюционного кулачества.

* *

Особенно большой вред наносит баптисты делу материалистического, коммунистического просвещения молодежи.

Распространители невежества, противники разума и знания, баптисты убеждают своих сектантских молящихся во вреде материализма и мировоззрения. Их извращенное утверждение гласит, что «материализм является ложным течением человеческого мысла, ибо из материалистического мировоззрения не может вытекать высокопарного руководства». Себя они называют светочем среди тьмы, так как им, дескать, единственно доступны высокие, нравственные истины. Своей жюгией высокой нравственности баптисты чрезвычайно гордятся.

Строго «моральные каноны» — главная приманка баптистов, их главный козырь при влечении в секту женщин и молодежи. Нельзя не признать, что эта приманка действует пока успешно. Малолетних, остальных женщин, порой измученных разными бытовыми негодностями — пьянством мужа и т. д. — сектантские проповеди добродетели прельщают: у них — не скляное обращение, и внимательный подход, и трезвая, приятная обстановка в общине... В результате община попопается новой «сектой во христе». Для упрочения своего влияния на женщин баптисты вовлекают организуют в молящихся домах кружки рукоделия, кройки и шитья, проводят разные баптистские затеи (помощь вдовам-сектанткам и пр.).

Искусно манипулируя, приспосабливаясь баптисты и к интересам молодежи. Для молодежи они организуют «семинарии библейские кружки», музыкальные кружки, группы любителей домашнего хозяйства и т. д. Стараются сблизиться культурными привязками, мелкой уютной заботой с молодыми людьми. Чтобы установить связь, посылать своих молодых проповедников в места, где сосредоточено много молодежи, баптисты плохо работают комсомольская организация.

Настоящую цену сектантским «добродетелям» можно определить не по их проповеданию, а по своим эрзасным манерам, по всему духу их учения и их затлаго сектантского бытия. Под лидерской маской святости и «чистоты души» культивируется беззастенчивая ложь, обман своей же пастырской деятельностью перед верующими-трудящимися. Хороша «добродетель», когда сами же проповедники оказываются расклевывателями и воронами общественного имущества, убытками, диверсантами и измывщиками родины.

Капиталистическое окружение неизменно использует баптизм (так же, как и другие религиозные «исправления») в качестве своей агитации. В СССР, когда же советское правительство в Англии отдало «благочестивцам» в визах на въезд в СССР, контрразведка извещала союзных государств переправляя их по одному в Англию, а оттуда — в Москву. Поиски баптистского контрразведки в США, Польше были неслучайны в СССР, «благочестивцы» Польши и его подруги принимали за вредительскую деятельность и шпионаж; сведения контрразведки о контрразведке их доставляли через легальных верховодов белорусских баптистов Чеберу, Дрозду, Юркину и Асютину — мажорных контрпропагандистов. Любопытно, что связь иностранной контрразведки с белорусскими баптистами-шпионами держал католический князь Язевский. Перед лицом общины «дружественных» антисоветских задач иностранная вражда между католиками и баптистами была, видимо, работа!

Примерно такого же рода шпионская организация баптистов была раскрыта в 1929—1930 годах и на Украине. Во главе ее стоял преемник волевого обещания баптистов Шевчук. Шпионская сеть баптистов была широко раскинута. Шевчук и его помощники были связаны с баптистами-шпионами Шенетовскими, Кенешими, Доббасом. В шпионскую деятельность были втянуты и баптисты, служившие по призыву в Красной армии¹. Очеры польской контрразведки передавал Шевчуку антисоветскую литературу, средства содержания своих общин, баптистские контрабандные товары, а взамен получали рапорты о произведенных диверсионных актах и шпионские сведения для 2-го отдела польского генерального штаба.

Вообще дисидентские кружки буржуазных стран не скрывают на подготовку «доверенных кадров» из числа баптистов СССР. Большую заинтересованность баптистские движения в СССР обнаруживают, в частности, японские военные разведывательные кружки.

Не все редкие баптисты, в особенности сектантские молящиеся, представляют себе истинным лицом этой вредоносной секты, которая, как и любое религиозное течение, прямо враждебна интересам трудового народа. Но как «благочестивцы», проповедники, преемники баптисты ни стараются сблизиться с целями самосохранения общины в защитные одежды «сторонников социализма», ни не прикрывать реакционного существа своего учения и своих антисоветских деяний!

А. В.

Ю. НЕЙМАН

ПОЖЕЛАННИЕ

Еще удар, еще рыцарь,
и владыкский скин пещи.
И огнибает окрестности
притихшая река,
Пройду по солонечной дну,
иуда не замечу.
Повыше лодку подтяну
и лугу между ни;
У корня — полдоросль правды,
и, как лучи лет, в кудри,
сидя зловредит поиграть
беззастенчиво малыши.
А над всем голышью
горюшек лугушка
кружит, как алый уголек,
как малый мотылек.

Я тебебь молюшкой сорву,
свири и прохладышью муру.
Я буду слушать, как траву
подкалывает жуки;
Как зазвенит стрелочка
серебряный иголок,
как в сонце дохнет лоза,
как со мной не растёт;
Как чуть пошине на реке,
чуть отступит в кудри,
звучит на тономом тебебье
лыконые цветы;
И колокольчик горюит
во все колокола,
сень раз полдней, его раз полдней,
что ты не умерла...

¹ К этому времени (1926—1929) баптисты активно своим посланством служили в Красной армии.

та и фюга. Это трио, весьма драматическое по музыке, отражало тяжкие физические страдания Глинка, связанные с болезнью.

После четвертой симфонии Глинка уезжал в Россию. «Тоска по отчизне навела меня постепенно на мысль писать по-русски», — делал он ценное признание. Эта мысль целиком завладела тогда композитора и стала руководящей по всей его музыкальной жизни.

По дороге в Россию Глинка уснащено в течение пяти месяцев занимается теорией музыки в Берлине у профессора Дена, записывая свои по-русски.

Внезапная смерть отца композитора ускорила его возвращение в Россию. Глинка вернувшись на родину новым музыкантом, хорошо общавшимся с ярым ироническим стрелом, писал по-русски. «Многие о национальной музыке все больше и больше прояснялись» в нем. По возвращении в Россию Глинка сблизился с рядом русских писателей: Пушкиным, Гоголем, Жуковским.

Издая первую оперу Глинка — подвиг Ивана Сусанина — подкашивает ему Жуковский. Глинка охотно откликнулся на его призыв: «Я нахожу, — говорит он, — что в опере, как в романе, национального, русскогого, русскому. Глинка приехал сюда не монархическая идея спасения царя, а образ самоотверженного народного героя, жертвующего собой для спасения родины. Жуковский имел намерение сам написать текст для оперы, но не нашел времени и, пишет Глинка, «сдал меня в это дело на руки барона Розена, серьезного литератора, бывшего секретаря государя». Несмотря на то, Розен действительно был автором оперы, усердным, но бездарным, да и русский язык знал недостаточно. Отсюда — низкое качество либретто. Музыка же оперы обладает высоким достоинством.

Главная ценность оперы — в народности ее музыки. Эта настоящая народность резко выделяет Глинку из среды современных ему музыкантов-диалектов. Поиская любимые народные песни, но не зная их и потому искажая в своих сочинениях. Глинка же изучал народную песню и, подвергая ее художественной обработке, старался сохранить все присущую ей специфическую музыкальную интонацию, мелодию. Другое большое достоинство оперы — высокая техника, также выгодно отличающая ее от сочинений диалектов, технических беспомощности. Прямое следствие этого — богатство интонационных влияний, а также диалектизм. Однако здесь наивно бесспорные сдвиги, правильно переданный народный стиль, значительно и разнообразная техника (фортепьяно и вокалы), глубокая содержательность музыки, была стремления к высшему оперным эффектам.

В состоянии большого творческого подъема в течение двух лет писал Глинка свою оперу. В те годы он был влюблен, женился. Жена его была весьма ограниченным существом. «Пустынная девушка», — говорила о ней друг композитора писатель Н. Кукольник, — «она только красота без внутреннего содержания, без своего гибкого ума. Ничто, как цветок без аромата, зацветает — и всему конец». Однако первые месяцы супружества Глинка был увлечен «идеальностью и вольностью» графини Марии Петровны, не замечая, что сама она была грустна и переживала известный под «чужды».

Чтобы успешнее работать, композитор уехал в Новоселовское. Странная там была обстановка для работы: «Единственный человек в доме, — я сидел за стол в большой и веселой зале в Новоселовском в нашем доме. Это была наша любимая комната: столы, матушка, же — одним словом, все было в таком покое, и чем живее болтали и смеялись тем быстрее шла моя работа». Глинка любил работать, веселье, смех, и эта обстановка настраивала его на работу.

Иван Сусанин был поставлен впервые 27 ноября 1836 года. Неиздадо до спектакля под давлением двора оперу получала патристическое название «Ильяиз за царя». Отношение дирекции театра к Глинке было самым непростованным было весьма небрежительным. По требованию дирекции композитор должен был дать подписку об отказе от притязаний на денежное вознаграждение, т. е. от авторского гонорара.

Спектакль имел большой успех. Двор был

доволен. Усмотрев в опере пропаганду монархизма, но поняв ее истинного смысла, Николай I милостиво наградила Глинку.

«Русский театр», — писал Кукольник, — не переставал бы сиять, если бы не было ни одного, ни только восторга, но и умиления. Я сам видел, как плакали многие дамы и мужчины, даже сам царь прояснялся». Милла (Глинка) была 43) была от избытка чувств он плакал как дитя в карете. «Успех оперы был совершенный, я был в чадур», — записал автор. Печать также отнеслась положительно к опере. Одна газета назвала Глинку «русским оперным музыкантом». А другая Глинку: Пушкин, Вяземский, Вяземский — слагали в честь автора хвалебный канон.

Однако полное единодушие в оценке «Сусанина» не было. Реакционная часть дворянства ворчала, что, дескать, музыка оперы «чуждая», такую музыку можно слышать «на всякой улице». То, что мы впрямье слышим в Глинке — народное начало, как раз больше всего испугало его реакционных современников. Острым на язык Глинка в ответ на репелку «чуждая» едко заметил: «Это хорошо и даже верно, ибо куда, по-моему, делались господа».

Вскоре после «Сусанина» композитор принимается за вторую оперу — «Руслан и Людмила». Окаловение музыкальной мысли оторомо. Великолепный стих, сложная жизнеподобность, народность сюжета и языка — это все привлекало внимание Глинка к юному творческому поэту. Пушкин, по словам последнего, многое передал в своей поэме, видимо, специально для оперы. Однако обстоятельство не благоприятствовало «Руслану» с самых ранних дней его создания. Острым на язык Глинка в ответ на репелку «чуждая» едко заметил: «Это хорошо и даже верно, ибо куда, по-моему, делались господа».

Работа над музыкой «Руслана» протекала в крайне беспоконной обстановке. Служба в качестве канцеляриста при дворе полевой канцелярии, обучение детей ученику театрального училища, широкая, шумная жизнь в Петербурге, болезнь, семейные неурядицы, сплетни в обществе — все это отрывало композитора от работы и лишило его нужного спокойствия. «В семейной жизни Глинка узнал полную пустоту, грубое непонимание, игнорирование его любимого дела. В периоды напряженного творческого труда жена ворчала, что муж много работает на посту, бранит, что он не занимается на концерте, где исполнялась седьмая симфония Бетховена, приводившая в глубокое волнение Глинка, жена, заметив это, спросила: «Что с тобой, Миша? Глинка ответил: «Бетховен! После чего жена наивно спросила: «Что же он тебе сделал?» На одной из домашних вечеринок она говорила с презрением о поэтах и артистах, что не было «художником, как например Пушкин, которого убил на дуэли», на что Глинка язвительно ответил: «Хотя я не думаю быть умнее Пушкина, но я-за же живу счастливо под палкой не поистине, а поистине, потому что семейная жизнь Глинка, кончившаяся разрывом в 1839 году.

Положение Глинка в обществе становилось все более тяжким. Зависть, сплетни, грубость окружающих, сдвиги, вызванные реакционной политикой, вынуждали композитора отделиться от «света», что создало ему еще больше недоброжелателей. Вероятно он был близок к отчаянию.

Однако творческая энергия не устала в борьбе с жизнью и завладела собой новые неиссякаемые плоды. Работа над «Русланом» двигалась вперед и кроме того параллельно с этой работой

Глинка дал ряд других замечательных произведений.

В 1842 году, 27 ноября, «Руслан» впервые увидел свет. Это было последнее произведение Глинки. Автор не поднимался на такую высоту, как в «Сусане». Наш пределье свое достоинство поражает в опере глубокая народность ее музыки. Тем русского песенного характера (ария, арка, романс, вальс, танец) не переплетаются в опере с многообразными иных национальных тем: финской (рассказ Финна), персидской (персидский хор), татарской (ария Ратмира, татарские танцы) и названа автором «нашебной») в ней много подлинного реализма, особенно в музыкальных характеристиках героев: хитрого Руслана, турского Фарафа, знающего Ратмира, доброго Финна и др. — все это живые фигуры, типичные воплощающие в себе различные человеческие свойства. Через все произведение проходит яркое впечатление: «Глинка сдвигался на такую высоту, добра над всем. Музыка полна optimism, светлой жизнеподобности.

Так весьма ценнейшая музыка «Руслан» не наша и малой долей доброты в томи своего повествования на свет. Доброты постановки оперы на сцене не состояла для Глинка бешеных трудов, как раньше с «Сусанином»: он был уже достаточно известным автором. Однако при постановке «Руслана» возникли неприятности. Приходилось кое-что переделывать по требованию дирекции. Например «в танце третьего действия я должен был ввести несколько пошлых фраз, чтобы можно было танцевать», — свидетельствует автор. Сдвиги же, нуждался вступок традициям встречаются и в других эпизодах «Руслана», однако ни плохое либретто, ни частичные компромиссы не отразились существенно на музыке оперы в целом.

Тем не менее «Руслан» уже после постановки принес Глинке много горячий. Спектакль не понравился, показались глупыми. Финнов дворянство, — свидетельствует автор. Сдвиги в то время, призывавшие в опере к внешне эффектной итальянской музыке, не полагал и не оценил «Сусана». Николай I с семейством не хотел, чтобы Глинка был в опере. «Когда опустится занавес», — с горечью рассказывал автор, — начал мне вставать, но аплодировали очень недолго, между тем усердно шепкали и пренебрежительно со сцены и оркестра. Я обратился к бывшему в директорской ложе генералу Дубуту с вопросом: «Какется, что шпикуют, идти ли мне на выход?» «Иди», — отвечал генерал, — «Христос страдал более тебе», — ответил он, — «я ограничился шпиканьем и глумлением шуткой генерала. Печать также весьма неблагоприятно отнеслась к «Руслану». Реакционер Булагарию мало критиковал оперу. Показались глупыми: «Глинка и в действительности сидит в театральном зале театра и аплодирует. По рисунку подписи: «Глинка в своей опере вызывает автор. Опера сдвигалась настолько тяжело, что военные не могли выдержать, и в действительности «отсидеть» «Сусана и Людмилу». Зато Аист, поставивший в то время Россию, высоко оценил «Сусана» и переделал для роля марш Черномора.

Можно себе представить моральное состояние автора, бывшего свидетелем столь трагической судьбы своего любимого ребенка. Он все больше и больше полагал, что в России не найдется даров-бюрократическую Россию и вскоре уезжает за границу. На этот раз он поехал в Париже, где познакомился с Берлиозом, испанским композитором, который начал писать оперу. Два года пробыл в Париже, где полюбил Испанию. «Мне в Испании так хорошо», — писал он, — «что мне кажется, будто я здесь». В Париже Глинка внимательно изучал народное испанское искусство, которое он знает много испанских мулов, — рассказывал композитор, — и пел народные песни, которые

я старался уловить и положить на ноты». По вечерам он посещает соседей, слушает песни, играет на гитаре, смотрит танцы, сам поет и танцует по-испански. Впечатление от Испании Глинка изложила в двух замечательных оркестровых увертюрах: «Ночь в Мадриде» и «Арагонская зата» (название национального танца), где с большим темпераментом и красочностью на основе народных тем передает полные жизни сцены испанского бита. Это были одни из первых значительных пьес в русской симфонической музыке.

По возвращении из-за границы Глинка живет у матери, в деревне, избегая неприятного ему Петербурга и большого света.

В конце сороковых годов, во время пребывания в Варшаве, композитор создает самую замечательную свою оркестровую пьесу — «Камаринскую», где использует две контрастирующие друг другу русские народные темы — протяжно-лирическую сабелюбу «Из-за гор высокие» и плавную «Камаринскую». Чайковский говорил о «Камаринской», что она, подобно тому «как жемчуг заключает в себе дубовый дуб, заключая в себе дальнейшую русскую симфоническую музыку».

Последние годы жизни Глинка отмечены некоторым ослаблением его творческой энергии, что было вызвано разного рода огорчениями и усугубляющейся болезнью.

Незадолго до смерти он снова едет заграницу. «Когда б мне никогда не видеть больше этой галкой страны», — восклицает он при прощании с сестрой. Горькое пожелание композитора осуществилось: он умер на чужбине — в Варшаве, вдали от родины. Глинка умер 3 февраля 1857 года. Услышав друзья тело композитора было перевезено в Петербург, где похоронено на Александрийском кладбище. В Петербурге и Смоленске Глинке были воздвигнуты памятники.

Такова горькая судьба одного из величайших гениев русской музыки.

Жизнь Глинки — красочнейший показатель трагической судьбы в царской России не только русских музыкантов, но и любого музыкального искусства. Последнее не находило себе достойного места в дворянско-бюрократическом обществе, не имело сколько-нибудь благоприятной почвы для своего развития. Тем более типичными представляются заслуги таких гениев, как Глинка. Эти гении опирались в своих работах, конечно, на прошлое, на большое, неопровержимое для них наследие. Глинка опирался на богатейшую сокровищницу народной песни: творчество восточных музыкантов и композиторов-диригентов. Однако это наследство он не только приумножил, но и дал огромные качественные сдвиги всему русскому музыкальному искусству. Он внес в музыку большую идейную содержательность, поднял технику на высокую ступень, достигшую лучших западноевропейских мастеров, а главное насытил свою музыку народным началом, широко и со знанием дела использовал фольклор разных национальностей. Глинка — великий, горячо любимый им с детства русскую народную песню. Отсюда слава Глинки как основоположника русской национальной музыки — оперы, симфонической музыки, художественного романа. От славного и неумолимого подражания Западу русская музыка усиливая Глинку вышла на широкий путь самостоятельного национального развития. Глинка, как Пушкин, — создатель национального языка в искусстве.

Только советская эпоха по достоинству оценила Глинку, только советская аудитория по достоинству поняла и восприняла его. Перк отым единодушным, полным горячей любви признанием великого русского музыканта как гения и идеями представляются ледяные попытки некоторых формалистских идеологов разнизачать гения за его... дворянское происхождение.

Известный критик и искусствовед Стасов написал когда-то оперу «Руслан и Людмила» мучительней своего времени. Сейчас эта опера как и вся музыка Глинки, — счастливица нашего времени, заблудившаяся новинка, невиданная даже до сих пор красками, заволашывающая светом и радостью, как жемчуг о том что лет назад великий Глинка.

О свето-фильтрах

Редакция «Смены» получала несколько писем фотолюбителей с вопросом о применении светофильтра при фотографировании. Даем краткий ответ товарищам.

Светофильтром называется окрашенная среда (обычно это окрашенный желати́н или стекло), помещаемая при съемке перед объективом.

Светофильтры употребляются почти во всех видах фотосъемки как необходимое дополнение в работе с ортохроматическим негативным материалом.

Как известно, обычные не ортохроматические пластинки максимально чувствительны к синим и фиолетовым лучам. Лучи зеленого, оранжевого и желтого выходят на фотографии темными, а красные — совершенно черными.

Когда негативный материал ортохроматизируют, т. е. вводят в состав эмульсии специальные красители, тогда увеличивается чувствительность эмульсии к желто-зеленым лучам.

Однако действие сине-фиолетовых лучей остается все еще очень слабым, и, чтобы ослабить его, необходимо применить желтый светофильтр. Сине-фиолетовые лучи будут поглощаться светофильтром в большей или меньшей степени, в зависимости от красителя данного светофильтра. Остальные лучи будут проходить сквозь фильтр совершенно свободно. Так, при съемке с облачным небом без светофильтра вследствие яркости неба, а также одинаковой фотографической чувствительности к белому и голубому цвету белая облака провалит на фоне голубого неба. Небо будет настолько передержано, что заметные на негативе облака будут очень трудно пропечатать. Светофильтр необходим и в том случае, когда в пейзаже имеется поле сильной яркой, давящей на зрение яркой, но выходящей на фото темной. Светофильтр средней густоты, примерно № 3, поглощает сине-фиолетовые лучи, передает желтый цвет светлым и вполне достаточен для правильной тональной цветопередачи.

Для съемки портретов употребляют слабые фильтры, при съемке репродукций с цветных картин степень густоты светофильтра выбирается в зависимости от того, какой цвет нужно выделить.

Горный пейзаж, снятый через светофильтр.

Следует помнить, что с увеличением кратности (густоты) светофильтра характер передаваемого изображения меняется, усиливается контраст изображения и передача тонов отклоняется от природной. Чем больше густота светофильтра, тем больше он задерживает сине-фиолетовых лучей и тем чище будет получаться на снимке небо.

Темно-оранжевые и красные фильтры совершенно срезают сине-фиолетовую часть спектра и употребляются для получения ночных и лунных эффектов при съемке в яркий солнечный день.

Однако применять оранжевый и красный фильтры можно только при панхроматическом негативном материале, чувствительном к красным и зеленым лучам.

Встречаются светофильтры синего и зеленого цвета, они имеют применение в специальных областях фото- и киносъемки и поэтому для любителей не представляют интереса.

В заключение приведем цифровые данные о свето- и чувствительности наших отечественных орто- и панхроматических пленок:

С о р т	Чувствительность		Контраст	Широта	Чувствительность			
	с и е т				синие	зеленые	желтые	красные
	дневной	искусственный						
Ортохром	250	250	1,0	64	1	2,0	2,5	—
Изопанхром	300-400	800-1000	1,6	64	1	6,3	15,6	3,0

И. ГУЩИН

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ УЧЕНЫЙ

Н^е один инженер, архитектор, геолог, топограф не может обойтись без метода профилей. Азбучной истиной является для нас закон поперечного распределения растительности на горах.

Каждый школьник знает, что такое изотермы — линии на географической карте, соединяющие точки земной поверхности с одинаковой средней температурой воздуха.

Но не все знают, однако, что всем этим и еще многим другим чужеством обязано замечательному ученому, естественному Александру Гумбольдту (1769—1859).

Образ этого настоящего, трудолюбивого, целеустремленного человека, человека, который при жизни завоевал мировую славу, но не оставляла своих исканий до последнего дня, — создается в своей книге В. Сафонов¹.

¹ В. Сафонов, «А. Гумбольдт», Журнал «Географ», М. 1926, 344 стр. 3 руб.

Знаком с жизнью и деятельностью Гумбольдта, автор заставляет читателя проникнуться уважением к этой колоритнейшей фигуре XVIII—XIX века.

Почти 90 лет прожила этот последний из ученых-энциклопедистов и за это время внесла в науку своих трудов почти во все науки.

Гумбольдт был одновременно ботаником и геологом, математиком и метеорологом, физиологом и астрономом, химиком и археологом, физиком и этнографом. Кроме того он был дипломатом, художником, философом, лингвистом, путешественником и талантливейшим популяризатором.

Жизнь его была богата и разнообразна. Он заносил на карту русла рек и удалял франко-русские конфликты, спорил с Гете и первый составил научное описание ископаемого света. Его рука пожимала руку Наполеона, Фридриха Великого, Шиллера, Араго, Лапласа, Гей-Люссака,

Бетховена, Гете, Вагнера Скотта, почти всех великих его современников.

Несмотря на свою генеральность это все же был буржуазный ученый, подчас лживый придворный и под конец жизни верноподданный реакционер. Это он добивался всеми средствами высылки из пределов Франции Генрика Гейне и Карла Маркса. Это он, возмущаясь рабством в Африке и Америке, не замечая вокруг себя белых рабов — крепостных крестьян и бесправных пролетариев.

Почему же имя его мы проносим с уважением? Мы говорили уже о Гумбольдте как о последнем ученом-энциклопедисте. Среди крупнейших буржуазных ученых Гумбольдт выделяется своим универсализмом, своим стремлением к полноте, а не констатировать, своим вечным поиском всеобщих связей.

«Главным моим побуждением, —

говорит Гумбольдт, — всегда было стремление обнять явления внешнего мира в их общей связи, природу как целое... Но я рано убедился в том, что без строгого изучения отдельных частей невозможно всякое целое и общее мирозерцание будет призрачно и неопределенно».

Вот этим соединением изучения деталей с поисками общего законов ценен для нас Гумбольдт, всегда воспринимавший природу, мир как целокупное целое во всем его многообразии. Все открытия Гумбольдта были следствием богатого поиска синтеза человеческих знаний, синтеза наук.

Кроме облика самого Гумбольдта, обаятельного, красноречивого и остроумного собеседника и в то же время кропотливого наблюдателя, читатель найдет в книге Сафонова целый ряд попутных характеристик людей, связанных с Гумбольдтом, орудий обстановку, окружающую его: реакционную Пруссию, волнанный ветер революции, дующий на Францию, джентльмены леса Южной Америки, чиновную и парадную Россию Николая Павловича.

Своеобразная манера изложения, легкая ирония, отсутствие занудности и малочисленные детали, широта диапазона выгодно отличают книгу Сафонова от массы сухих, равнодушных и безличных биографических книг.

НАЧИНАЕМ МАТЧ ЧИТАТЕЛИ «СМЕНЫ» — МАСТЕР ВЕРЛИНСКИЙ

Редакция «СМЕНИ» организует партию по переписке между читателями журнала и мастером СССР, бывшим чемпионом страны Б. М. Верлинским.

Партия будет играть так: каждый читатель присылает в редакцию ход, который он считает наилучшим. Ход, присланный большинством, считается принятым и сообщается Верлинскому. Ответный ход мастера редакции рассылается читателям, принимающим участие в игре, те шлют ответные ходы и т. д. Через каждые 8—10 ходов в журнале будет помещаться положение партии и сделанные ходы (с указанием фамилий читателей, первыми приславших эти ходы).

По окончании партии редакция премирует читателей, наиболее активно участвовавших в игре и приславших большее количество принятых ходов. Кроме того трем активнейшим участникам игры (индивидуальным или коллективным) будет предоставляться возможность сыграть с одним из мастеров СССР партию по телеграфу.

Итак, игра начинается. Читатели играют белыми. Ваш ход, товарищи читатели!

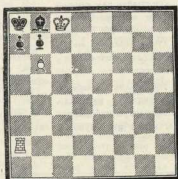

Шахматы

Отдел ведет Л. ГУГЕЛЬ

КОМПОЗИЦИИ ЧЕМПИОНОВ МИРА

Задача № 48.
Исаак Морфи

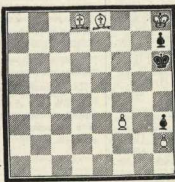

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Из задач, присланных на международный конкурс двухходовок*

Задача № 50, В. А. Лебедева и почетный отзыв. Белые: Кр4, А. А. Ротинина (Ленинград). 4-й Фс7, Ас5, г6, Сд5, б6, Кб5, с4.

Задача № 49.
Адольф Алерсер

Белые, начиная, дают мат в четыре хода.

п. е6, f2, б6 (11). Черные: Кр5, Фс8, Лf7, б4, Са8, h2, Кс6, с4, п. б6 (9).

Задача № 51, А. М. Доборлагинидзе (Абастумани, Грузия). 5-й почетный отзыв. Белые: Кр8, Фд7, Св8, Кб5, б5, п. с4, d7, е4, f7, г4 (10). Черные: Кр6, Фa2, Лd2, f1, Се7, h3, Кa4, е1, п. с3 (9).

Задача № 52, Л. И. Соколова (Москва). 6-й почетный отзыв. Белые: Крd7, Фe1, Ас8, б5, Се8, Кс3, б4, п. b2, е2, f4, б6 (11). Черные: Крd4, Ас3, г2, Са8, б8, Кр7, с3, п. а6, б5, е4 (10).

БЛЕСТАЩИЙ ПРОРЫВ

Партия Луиза—Нимцович, игравшая в 1921 году в Норвегии, пришла к такой «смертной», казалось бы, позиции: белые (Луиза): Крd2, Се3, Кh4, п. а3, b2, f2, g3... (6); черные (Нимцович): Крe4, Лh5, п. а4, б5, с4, d3, f3, g4... (8).

Ход черных

Гроссмейстер Нимцович искусно форсировал прорыв, сопряженный с немалыми жертвами:

1. б5—b4!
2. а3:b4 Лh5:b4!
3. g2:h4 g4—g3!
4. f2:g3 с4—с3!
5. b2:c3 а4—a3
с выигрышем. Поучительное окончание!

* Результат конкурса опубликован в «Смене» № 4

